К.Р.

Париж
1966 год.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

К. Р.

ТОМ II

Издательство «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»

Париж
1966 год.

Настоящее полное собрание сочинений К. Р. издано в Париже, Издательством «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» Обще-Кадетского Объединения во Франции, под редакцией А. А. Геринга, в 750 экземплярах.

К. Р.

Великий Князь Константин Константинович

БИБЛЕЙСКИЕ ПЕСНИ

ПСАЛМОПЕВЕЦ ДАВИД

О, царь, скорбит душа твоя,
Томится и тоскует!
Я буду петь: пусть песнь моя
Твою печаль врачует.

Пусть звуков арфы золотой
Святое песнопенье
Утешит дух унылый твой
И облегчит мученье.

Их человек создать не мог,
Не от себя пою я:
Те песни мне внушает Бог,
Не петь их не могу я!

О, царь, ни звучный лязг мечей,
Ни юных дев лобзанья
Не заглушат тоски твоей
И жгучего страданья!

Но лишь души твоей больной
Святая песнь коснется
Мгновенно скорбь от песни той
Слезами изольется.

И вспрянет дух унылый твой,
О, царь, и торжествуя,
У ног твоих, властитель мой,
Пусть за тебя умру я!

Татой (близ Афин)
Сентябрь 1881 г.

ЛЕГЕНДА ПРО МЕРТВОЕ МОРЕ

В знойной степи, у истока священной реки Иордана,
В каменных сжато объятиях скал, раскаленных полуднем,
Чудно синея, безмолвно покоится Мертвое море.
Мрачной пустыни бесплодная почва безжизненна, скудна.
Издали волн заколдованных гладь голубую завидев,
В ужасе зверь убегает; пугливо небесные птицы
С жалобным криком спешат улететь от проклятого места;
Змеи одни обитают в глубоких расселинах камней;
Лишь бедуин одинокий, копьем тростниковым махая,
Быстрым конем уносимый, промчится песчаным
прибрежьем.
Тайны зловещей печать тяготит над страною забвенья.
Древнее ходит сказанье про это пустынное море:
Лишь только звезды златые зажгутся в безоблачном небе,
Тьмою огней отражаясь в заснувших лазоревых волнах,
Лишь в вышину голубую серебряный выплывет месяц, —
Вдруг просветляется влажное лоно прозрачной пучины;
Сноп белоснежных лучей всю глубокую бездны морскую
С глади незыблемой вод и до самого дна проницает.
Там, в глубине, озаренные блеском полночного неба,
Груды развалин толпятся в безжизненом древнем величье;
Словно как трупы недвижные, в мертвенном сне цепенея,
Эти обломки морские песочное дно покрывают...
В оные дни покарал за великие, тяжкие вины.
Долготерпенья превечного Бога исполнилась мера:
Огненный дождь ниспослал Он на царство греха и разврата;
Недра земные разверзлись и те города поглотили;
Бездну провала залили морские соленые воды...
Там, где был край многолюдный, подобно великой могиле,
Ныне, синея, безмолвно покоится Мертвое море.

Палермо.
15-го февраля 1882 г.

СФИНКС

В знойной пустыне веками покоится сфинкс полногрудый,
Гордо главу приподняв и очей неподвижные взоры
В даль устремив беспредельную... Только песчаные груды
Всюду вокруг разостлалися в необозримом просторе...
— Кем ты воздвинут, незыблемый страж раскаленной
пустыни?
Кто твои мощные члены изваял рукой безыскусной?
Что за значение придал твоей он недвижной твердыне?
И отчего улыбаешься ты так загадочно-грустно?
Древнее ходит сказанье о том, как в Египет бежала
Божия Матерь с Младенцем Божественным из Палестины.
Был утомителен путь. С голубой вышины обливало
Знойное солнце лучами поверхность песчаной равнины.
Между гранитными лапами сфинкса Она приютилась;
Идол, своими объятиями тень расстилая над Нею,
Зной умерял нестерпимый. И вот незаметно спустилась
Тихая звездная ночь, безмятежно, спокойно синея.
Сладостным сном позабылася Мать у подножья кумира,
И на руках у Нее Искупитель покоился мира...
Сфинкс ощутил неземного Создания прикосновенье,
И улыбнулся он, тайну пытаясь постичь искупленья...
Не оттого ли, поведай, пустыни жилец одинокий,
Не оттого ли еще до сих пор отпечаток глубокий
Той неразгаданной тайны твои сохраняют черты,
И через много веков еще все улыбаешься ты?

Афины
9-го января 1883 г.

ИЗ АПОКАЛИПСИСА

I.

... Се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас мой, и отверзет двери, вниду к нему, и вечеряю с ним, и той со мною.
111,20

Стучася, у двери твоей Я стою:
Впусти Меня в келью свою!
Я немощен, наг, утомлен и убог,
И труден Мой путь и далек.
Скитаюсь я по миру беден и нищ,
Стучуся у многих жилищ:
Кто глас мой услышит, кто дверь отопрет,
К себе кто Меня призовет, —
К тому Я войду и того возлюблю,
И вечерю с ним разделю.
Ты слаб, изнемог ты в труде и борьбе, —
Я силы прибавлю тебе;
Ты плачешь, — последние слезы с очей
Сотру Я рукою Моей.
И буду в печали тебя утешать,
И сяду с тобой вечерять...
Стучася, у двери твоей Я стою,
Впусти Меня в келью свою!

Усть-Нарова
Август 1883 г.

2.

XXI. 1 - 4.

Я новое небо и новую землю увидел...
Пространство далекое прежних небес миновало,
И прежней земли преходящей и тленной не стало,
И моря уж нет... Новый город священный я видел,
От Бога сходящий в великом, безбрежном просторе,
Подобный невесте младой в подвенечном уборе,
Невесте прекрасной, готовой супруга принять.
«Се скиния Бога с людьми. Обитать
«Здесь с ними Он будет». — Я слышал слова громовые:
«Сам Бог будет Богом в народе Своем:
«И всякую с глаз их слезу он отрет. И земные
«Печали исчезнут. В том граде святом
«Не будет ни плача, ни вопля, ни горьких стенаний,
«Не будет болезни, ни скорби, ни тяжких страданий,
«И смерти не будет. Таков Мой обет;
«Прошло все, что́ было, и прежнего нет».

Петербург.
6-го марта 1884 г.

ЦАРЬ САУЛ

Душа изнывает моя и тоскует,
О, пой же мне, отрок мой, песню твою:
Пусть звуки ее мою скорбь уврачуют, —
Я так твои песни святые люблю!

Гнетут меня злобного духа объятья,
Опять овладело уныние мной,
И страшные вновь изрыгают проклятья
Уста мои вместо молитвы святой.

Томлюся я, гневом пылая, и стражду;
Недугом палимая мучится плоть,
И злоба в душе моей... Крови я жажду,
И тщетны усилия зло побороть.

Не раз, жалом немощи той уязвленный,
Тебя мог убить я в безумном бреду.
О, пой же! Быть может, тобой исцеленный
Рыдая, к тебе я на грудь упаду!...

Петербург.
15-го мая 1884 г.

ПРИТЧА О ДЕСЯТИ ДЕВАХ

Се Жених грядет в полунощи,
и блажен раб егоже обрящет
бдяща: недостоин же паки, егоже
обрящет унывающа.

Тропарь

Они засветили лампады свои;
На встречу они Жениху поднялися толпою
На радостный праздник любви.
Их пять было мудрых и пять неразумных.
Уж тьмою
Бесчисленных звезд небеса заблистали, —
Но медлил Жених. Долго девы прождали;
Уж сон бзмятежный спустился на них,
У дремой смежились усталые очи.
Внезапно в немой тишине полуночи
Послышался клик: «Се Жених
«Грядет! Исходите на встречу!» И девы восстали,
Спеша полуночный исполнить обряд.
Елеем пять мудрых лампады свои напитали,
И так незразумные им говорят:
«Мы не́ взяли, сестры, елея с собою,
«Светильников пламень угас,
«И ныне мы к вам приступаем с мольбою,
«Елея мы просим у вас».
Им мудрые молвят в ответ: «Хоть помочь мы и рады,
«Но только ни вам не достанет, ни нам на лампады;
«Купить у торгующих вы бы могли».
И вот к продающим спешат неразумные девы...

Тогда раздалися веселья напевы:
Жених приближался. С Ним вместе вошли
Пять мудрых на свадебный пир со своими
Лампадами. И затворилися двери за ними.
И прочие девы к закрытым дверям
Вернулись. Стеная и плача, они восклицали:
«Отверзи, о, Господи, Господи, нам!»
И слышат в ответ в неутешной печали
Они Жениха укоризненный глас:
«Аминь, говорю вам, не ведаю вас!»

Красное Село
11-го июля 1884 г.

ВЕНЕЦИЯ

I.

НАДПИСЬ К КАРТИНЕ

С какою кротостью и скорбью нежной
Пречистая взирает с полотна!
Грядущий час печали неизбежной
Как бы предчувствует Она!

**
*

К груди Она Младенца прижимает
И Им любуется, о Нем грустя...
Как Бог, Он взором вечность проницает
И беззаботен, как дитя!

Гмунден.
20-го мая 1882 г.

II.

БАРКАРОЛЛА

Плыви, моя гондола,
Озарена луной,
Раздайся баркаролла
Над сонною волной.
Настроена гитара:
О, друг, я в честь твою
Всего земного шара
Все песни пропою!
Смотри, ужь на Пьяццетте
Потушены огни,
При ярком лунном свете
С тобою мы одни.
Замолкли серенады,
И ставни заперты, —
Среди ночной прохлады
Не спим лишь я да ты
До Лидо не далеко,
Мы быстро доплывем;
Там море так широко
Раскинулось кругом;
Там месяц волны любит:
Смотри, как с вышины
Лучами он голубит
Морские глубины.
Там в голубом просторе,
В лазоревой дали
Забудем мы и горе,
И бедствия земли.
Пусть звуки поцелуя
Подслушает волна,
И, как тебя люблю я,
Пусть подглядит луна!

Гмунден.
24-го мая 1882 г.

III.

МОСТ ВЗДОХОВ

Под мостом вздохов проплывала
Гондола позднею порой,
И в бледном сумраке канала
Раздумье овладело мной.
Зачем таинственною сенью
Навис так мрачно этот свод?
Зачем такой зловещей тенью
Под этим мостом обдает?
Как много вздохов и стенаний,
Должно быть, в прежние года
Слыхали стены этих зданий
И эта мутная вода!
Могли б поведать эти своды,
Как в дни глубокой старины,
Бывало, оглашались воды
Паденьем тела с вышины;
И волн, и времени теченье
Спешило тело унести:
То были жертвы отомщенья
Совета Трех и Десяти...
Но не болтливы стен каменья,
Не разговорчива вода,
И лишь в одном воображенье
Встают минувшие года.
Безмолвна мраморная арка,
Безмолвен сумрачный канал...
Крылатый лев Святого Марка
Сном вековечным задремал.

Штутгарт.
4-го июня 1882 г.

IV.

Скользила гондола моя над волной
Морского широкого лона.
Заката малиновый луч надо мной
Румянил лазурь небосклона.

Жемчужные сверху ряды облаков
Гляделись в спокойное море,
И слышался бой отдаленных часов,
Теряясь в безбрежном просторе.

Желанием сладостным, нежной тоской
Душа изнывала и млела:
Хотелося слиться с волной голубой,
Лететь выше неба предела;

Хотелось угаснуть, как луч золотой,
Застыть, как те звуки в просторе, —
Хотелось объять ненасытной душой
Все небо и целое море!

Стрельна.
12-го июня 1882 г.

V.

Помнишь, порою ночною
Наша гондола плыла,
Мы любовались луною,
Всплескам внимая весла.

Помнишь, безмолвно дремала
Тихим Венеция сном,
В сонные воды канала
Звезды гляделись кругом.

Мимо палаццо мы дожей,
Мимо Пьяццетты колонн
Плыли с тобою... О, Боже,
Что за чарующий сон!
Искрились волны лагуны...
Где-то в дали голубой
Плакали нежные струны, —
Пел гондольер молодой,

Пел он про месяц и море,
Про голубую волну,
Пел про блаженство и горе,
Пел про любовь и весну.
Дивная песнь навевала
Грезы блаженной любви,
В душу она проникала,
Страсть разжигала в крови...

Помнишь, порою ночною
Тихо гондола плыла,
Мы любовались луною...
О, что за ночь то была!

Красное Село
28-го июля 1882 г.

VI.

На площади Святого Марка,
Где вьются стаи голубей
Где межь бесчисленных колонн за аркой арка
Пленяют взор каймой узорчатой своей,
Остановился я... Ужь угасал, бледнея
Тревожный, суетливый день;
С безоблачных небес, таинственно синея,
На землю сонную спускалась ночи тень;
И колокола благовест унылый
Сзывал к вечерне христиан. Меня
Влекло неведомою силой
К старинному собору, чтобы дня
Забыть и шум, и утомленье.
Благоговейного исполнен умиленья
Переступил святыни я порог...
Лампады теплились, дымилися кадила,
И сумрачная мгла, казалось, говорила:
Здесь соприсутствует нам Бог! —
И стал молиться я спокойный и безмолвный.
Орган откуда-то с незримой вышины
Звучал торжественно, и стройных звуков волны
Лилися среди мертвой тишины.
В них слышались и слезы, и стенанья,
Скорбь за утраченные небеса,
И неземные воздыханья,
И райских песен голоса.
Прозрачный, легкий дым каждений благовонных,
Струясь вкруг мраморных столбов,

Скользя по плитам стен, вдоль сводов закопченных,
Вился и таял в мраке куполов,
Молитвой и веками освященных.
И лики строгие угодников святых
Со злата греческой мусии
Глядели на меня... И о родных
Иконах матушки России
Невольно вспомнил я тогда;
Моя душа крылатою мечтою
Перенеслась на родину, туда,
На север, где тепрь, согретая весною,
Душистая черемуха цветет,
Благоухают пышные сирени,
И песни соловей поет...
В уме столпилось столько впечатлений!..
И вздохом я вздохнул таким,
Как вздохнуть один лишь Русский может,
Когда его тоска по родине изгложет
Недугом тягостным своим.

Венеция.
19-го апреля 1885 г.

ПИСЬМА ПРО АЛЫЕ ЦВЕТЫ

КОРОЛЕВЕ ЭЛЛИНОВ ОЛЬГЕ КОНСТАНТИНОВНЕ

I.

...Ты помнишь ли те алые цветы,
Что́ так пленяли нас, пока судьбою
Разлучены мы не были с тобою?
Припоминаешь ли то время ты,
Когда вдвоем мы по́ саду бродили,
Срывая те цветы, и как любили
Их красотою любоваться мы?
Но та пора погребена на веки:
Так погребаются поля и реки
Под белоснежным саваном зимы.
Теперь, когда вдали мы друг от друга,
Когда под небом ты роскошным юга,
А я — где плачет северная вьюга,
Случайно если взор твой упадет
На те цветы, о, вспомни обо мне
И думай, что привет тебе несет
Любвеобильная душа поэта,
Что вспоминанием о тебе согрета
Она, и что настроены тобой
Златые струны лиры молодой!..

Красное Село
29-го июня 1882 г.

2.

Опять те алые цветы
По прежнему твой взор пленяют,
И воскрешая о былом мечты,
Тебе меня, мой друг, напоминают.
Ты думаешь, что в горести немой —
Свидетели тех дней, когда с тобой
Вдвоем мы по́ саду бродили, —
Они в разлуке сетуя со мной,
Головки нежные склонили?
О, нет, не обо мне они скучают!
Давно меня забыли те цветы;
Но чувствуют они и понимают,
Что день и ночь, всю жизнь горюешь ты
По дорогой отчизне; что не может
Их прелесть заменить тебе цветов,
Под пеленою северных снегов
Рожденных; что тебя всечасно гложет
Тоска по родине... Они грустят
И знают, что тебе твоя Россия
Дороже, чем блестящий их наряд,
Чем страны южные, тебе чужие;
Что пламенея знойно и светло,
Где ярче небосклон синеет,
Взростившее их солнце не пригреет,
Тебя так нежно и тепло,
Как севера холодное светило,
И никогда ничто в земле чужой
Тебе не будет, как в стране родной,
Так близко, дорого и мило!

Стрельна.
26-го июля 1883 г.

3.

Опять, опять цветут они,
Цветут, как и в былые дни,
Те алые цветы в саду твоем,
В стране тепла, стране очарованья —
И будят вновь воспоминанья
О милом времени былом,
Том времени безоблачном и ясном,
Когда мы были молоды с тобой,
И беззаботно, с верою слепой,
Мы жизнь считали праздником прекрасным,
Когда нам грудью молодой
Дышалось легче и вольнее,
Когда сердца в нас бились сильнее,
Когда вдали от всякой суеты
С тобой мы жили тихо, безмятежно,
Когда еще мне улыбалась ты
Так кротко, весело и нежно!..
Прошли года... Года еще пройдут, —
А все те алые цветы цветут
И цвесть все также будут ежегодно.
Мы жизненный пройдем с тобою путь,
Рукой костлявою, холодной
И нас коснется смерть когда-нибудь:
И руки мы скрестим на грудь,
Усталые сомкнутся веки,
И долго, долго будем мы дремать.
Пусть нас земля, как любящая мать,
В свои объятья заключит навеки.
А в мире вечно юном и живом
Все также будет бить ключом
Одна и та же жизненная сила.
Пусть примет нас безмолвная могила,
В нее мы ляжем на покой
Другим уступим место мы с тобой;
И мирно, безмятежно будем
В ней от труда земного отдыхать
И зло, и скорби позабудем...

Поверь, мой друг, не страшно умирать,
Когда средь огорчений и страданья,
Средь испытаний и труда
Ни разу грешные уста
Не изрекали слов роптанья;
Когда умели нежною душой
Мы разделять чужое счастье,
Когда в печали полные участья
Мы радовались радости чужой,
Когда мы плакали чистосердечно
О горемычной участи людей
И относилися беспечно
К печали собственной своей.
Так будем же, безропотно страдая,
Все наши горести переносить
И радостно, на скорби не взирая,
Земную эту жизнь любить,
Чтоб не унесть с собою в наши гробы
Ни жалобы, ни зависти, ни злобы
И чтоб от глубины сердец,
Благодаря, благословляя,
Отважно встретить свой конец.
А там, над нами, вечно пусть сияя,
Синеют голубые небеса,
Пусть зеленеют темные леса,
Пусть люди там живут счастливо
И любят пылкою душой,
Пусть бьются их сердца нетерпеливо
Все, что в юдоли сей земной
И нам с тобой когда-то было
Так близко, дорого и мило;
Пусть заблуждаются, как я и ты,
В самозабвенном увлеченье;
Пусть в блеске лучезарной красоты,
Чарующего полны обольщенья,
Несбыточные манят их мечты,
И пусть цветут те алые цветы!

Стрельна.
21-го июля 1885 г.

В СТРОЮ

ИЗ ПОЛКОВОЙ ЖИЗНИ

12 ОКТЯБРЯ 1887

Припомним, Измайловцы, день роковой,
Тот день, когда подвиг свершался святой
За веру, Царя и Отечество;
Когда наши витязи шли на врагов,
И доблести русских гвардейских полков
Дивилося все человечество.
Когда подвизался Измайловский полк
И честно священный свой выполнил долг,
Хоругвью побед осеняемый.
Когда наша кровь изобильно лилась, —
И вот, собираясь седьмой уже раз,
Опять годовщину справляем мы.
Припомним, товарищи, павших в бою
Измайловцев, жизнь положивших свою
Увенчанных доброю славою;
И, вспомнив о них, позавидуем им,
На веки засыпанным прахом земным,
Схороненным нивой кровавою.
Не меней в один кратковременный час
Тех праведных жертв насчитали у нас,
Чем в страшные дни Бородинские;
И все мы поляжем в грядущие дни,
Как в старые годы ложились они,
Свершая дела исполинские.
И Кульм, и Очаков, и Горный Дубняк
Напомнят пусть нам, что и в нас не иссяк
Еще прежний дух молодечества,
Что гром нашей славы еще не умолк,
И вспрянет, как прежде, Измайловский полк
За веру, Царя и Отечество!

Петербург.
2-го октября 1884 г.

12 ОКТЯБРЯ 1885

Уж восем лет прошло, — и снова годовщину
Мы Горного справляем Дубняка:
Подымем же теперь застольную братину
Во славу нашего полка!

Давайте пить, друзья, как пили наши деды:
Пусть каждый из братины отопьет,
И пусть передает ее сосед соседу,
Чтоб каждый выпил в свой черед.

Нас связывает всех одна и та же служба,
Один и тот же связывает долг, —
Да процветает же, да крепнет наша дружба,
И ей да держится наш полк!

Ходи же по рукам, братина круговая!
Все из нее мы будем пить, друзья!
Да здравствует наш полк и наша полковая
Единодушная семья!

Петербург.

ИЗМАЙЛОВСКИЕ ДОСУГИ *)

Собравшись, как жрецы на жертвоприношенье
Перед художества священным алтарем,
Служа искусству, мы свои произведенья
На суд товарищей смиренно отдаем.

Не ищем мы, друзья, ни славы, ни хвалений, —
Пусть безымянные в могиле мы уснем,
Лишь бы Измайловцы грядущих поколений,
Священнодействуя пред тем же алтарем,

Собравшись как и мы, стремяся к той же цели,
В досужие часы чрез многие года
Те песни вспомнили, что́ мы когда-то пели,
Не забывая нас и нашего труда.

Гремите, пойте же, Измайловские струны,
Во имя доблести, добра и красоты!
И меч наш с лирою неопытной и юной
Да оплетут нежней художества цветы.

Петербург.
9-го января 1885 г.

*) Так называются литературные вечера л.-гв. в Измайловском полку. Стихотворение написано к состязанию на одном из этих вечеров.

ПИСЬМО ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

Гой, Измайловцы лихие,
Скоро ль вас увижу я?
Стосковалась по России
И по вас душа моя.
Надоело за границей
Киснуть по чужим краям;
Обернуться бы мне птицей
Да лететь скорее к вам!
Но на родину покуда
Не пускают доктора:
Все проклятая простуда!..

Скоро в лагерь вам пора:
Выступит, блестя штыками,
Полк ваш в Красное Село;
Офицеры со шнурами,
В скатках,*) шашки на-голо,
Люди в стареньких мундирах,
В ранце каждый молодец, —
И на лагерных квартирах
Разместитесь наконец.

И приеду я... Забьется
Сердце радостней, быстрей;
Живо рота соберется,
Поздороваюсь я с ней;

*) Скатанное пальто, надеваемое через плечо.

Грянет «Здравия желаем!»
На приветствие в ответ,
И опять мы загуляем
По примеру прежних лет.

Я фельдфебеля рассказы
Стану слушать по утрам
Про солдатские проказы
По соседним кабакам,
Про артельную лошадку,
Про количество больных,
Про гимнастику, прикладку
И успехи молодых.
Будет, как в былые годы
Мой артельщик приходить
На текущие расходы
Денег у меня просить.
Писарь с денежною книжкой,
С кипой рапортов, бумаг
И со счетами под мышкой
Прибежит ко мне в барак.
Ротные пойдут ученья,
Захождения плечом,
Будем строить отделенья
Мы и шагом и бегом:
Рано будет начинаться
Ежедневная стрельба,
И над полем раздаваться
Бесконечная пальба
Пули будем мы лениво,
Лежа на траве, считать,
Сласти, ягоды и сливы
У разнощика скупать.

Станет рядовым патроны
Каптенармус выдавать,
И во взводные колонны
Я построю вас опять.
Снова, помоляся Богу,
За линейку мы пойдем

И знакомою дорогой
На участок *)побредем.
— «Тверже ногу!» — «Где равненье!»
— «На весь след!» — «На вас глядят!»
— «Не сбиваться в отделенье!»
— «Смирно!» — «Подтяни приклад!»

Мы резерва не забудем,
В цепь два взвода отошлем
И сражаться лихо будем
С «обозначенным» врагом.
Зазвучат команды хором,
И свистков раздастся свист,
А за мною с жалонёром
Барабанщик и горнист.
Мы в штыки ударим смело,
Грянет дружное ура, —
Глядь, а солнышко уж село,
И домой идти пора.

После долгого гулянья
Ждет нас скромная еда:
В офицерское собранье
Повалили господа...

. . . . . .

И усталые порядком
Только позднею порой
По баракам и палаткам
Разбредутся на покой.

Утром лишь заря займется
Горн побудку протрубит,
Мигом лагерь встрепенется,

*) Участками называются места в окрестностях Красного Села отведенные войскам для производства учений и маневров.

Снова жизнью закипит:
Жизнью бойкою, привольной,
Жизнью дельной, трудовой
И веселой, и раздольной,
Жизнью силы молодой.
Те же лица дорогие,
Те жь товарищи, друзья,
Сослуживцы удалые,
Та жь единая семья.
Та же дружная работа,
Труд и честный, и лихой,
Та же доблестная рота,
Батальон и полк родной.

Гой ты, матушка Россия,
Гой ты родина моя!
Гой, Измайловцы лихие,
Скоро ль вас увижу я?

Альтенбург.
19-го мая 1885 г.

ИЗ ЛАГЕРНЫХ ЗАМЕТОК

Знакомые места! Здесь над оврагом
Стояли мы привалом прошлый год;
Мы долго шли все в ногу, крупным шагом
И сделали далекий переход.
Составив ружья, кто на суковатом
Уселся пне, кто скатку подложил,
Одолженную вежливым солдатом,
А мне сиденьем барабан служил.
Увешанный медалями, крестами,
Степенно, важно, сидя на бревне,
Курил фельдфебель трубку в стороне.
Фланговый шапку украшал цветами,
Один прилаживал манерку к ранцу,
Другой зевал, — раздался храп и свист;
Дремавшему на травке новобранцу
Стеблем цветка нос щекотал горнист.
А вот и луг за рощею тенистой,
Где на участке ротный жалонёр
Нарвал мне ландышей букет душистый,
Пока мы брали приступом забор.
Вот речка, — здесь победу одержали
Мы над петрушками*); был славный бой!
Одну сторожку мы атаковали,
Где овладел противник высотой.
Я людям прочитал нравоученье
И вкратце объяснил атаки ход;
У «скачек» начали мы наступленье

*) Цветные значки, обозначающие противника: красные-артиллерия, желтые-резерв, белые-цепь.

По правилам — шагов за восемьсот —
В атаку перешли; два первых взвода
В цепи. Была чудесная погода, —
Полковник наш отъехал далеко, —
Дышалось так свободно и легко.
Цепь перебежками все продвигалась,
Пока во рву не удалось залечь.
Я подозвал резерв; тут открывалась
Позиция врага. Его картечь
Давно бы всех перекрошила нас,
Но там не неприятельская пушка
Была, а только красная петрушка!
И стойко мы держались. Здесь как раз
Мы очутились на краю обрыва,
Где перекинут мост через реку.
Четвертый взвод за третий вздвоил живо,
Ура! — и мы на вражьем берегу
Рассыпались. Вторая полурота
В цепи, а взводы первый и второй
Теперь в резерв сомкнулись за рекой.
Нам предстояла главная работа:
Ужь близко неприятеля стрелки,
Ужь подготовлен был удар в штыки,
И я шагов за двести приказал
Горнисту с барабанщиком сигнал
Подать к атаке. Не поняв, в чем дело,
Цепь на петрушек бросилась бегом;
Ура на всю окрестность загремело,
И по дороге пыль взвилась столбом.
Но вот ужь храбрецы приутомились,
Пройдя с утра верст десять по жаре,
Бегут все тише и... остановились.
А белая петрушка на горе,
Недосягаема, неувязвима,
Торчит одна, цела и невредима!
«Поручик Д...! Где ваш третий взвод?
«Назад! Кто вас просил начать атаку?
«Мы все сначала повторим».

и вот

Назад по моему вернулись знаку
Мои богатыри со всех сторон;
И взводному я унтер-офицеру
Стал выговаривать за то, что он
Не выучился лучше глазомеру,
Что слишком рано закричал ура,
Что лишь тогда в штыки идти пора,
Когда уверен, что ничто не может
Атаки нашей боле удержать,
Что все она сомнет и уничтожит.

Поручику Ц...у начать
Все снова поручил я. И опять
Под мнимым мы огнем перебегали
Все тот же мост: цепь снова рассыпáли.
Раздался звук знакомого сигнала,
И сомкнутая часть к нам подбежала.
Опять вступили мы в отважный бой,
Но уж теперь я сам повел атаку
И шашкой замахал над головой;
Мои бойцы чуть не вступили в драку
С петрушками; стремглав они бегут,
И высота осталася за нами.
Мы торжествуем, наш окончен труд,
И утираем пот с лица платками.
Знакомые места, где мы не раз
Учились с Государевою ротой,
Где с конницей дрались мы и с пехотой, —
Как нежно, горячо люблю я вас!
Я вас люблю все более и боле,
И каждый лес люблю, деревню, поле,
Люблю и зелень каждого куста!
О, юная, лихая жизнь на воле,
О, милые, знакомые места!

Павловск.
1-го июля 1885 г.

УМЕР

Умер, бедняга! В больнице военной
Долго родимый лежал;
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкий недуг доконал...
Рано его от семьи оторвали:
Горько заплакала мать,
Всю глубину материнской печали
Трудно пером описать!
С невыразимой тоскою во взоре
Мужа жена обняла;
Полную чашу великого горя
Рано она испила.
И протянул к нему с плачем рученки
Мальчик-малютка грудной...
...Из виду скрылись родные избенки,
Край он покинул родной.
В гвардию был он назначен, в пехоту,
В полк наш по долгом пути;
Сдали его в Государеву роту
Царскую службу нести.
С виду пригожий он был новобранец,
Стройный и рослый такой,
Кровь с молоком, во всю щеку румянец,
Бойкий, смышленый, живой;
С еле заметным пушком над губами,
С честным, открытым лицом,
Волосом рус, с голубыми глазами,
Ну молодец молодцом.

Был у ефрейтора он на поруке,
К участи новой привык,
Приноровился к военной науке,
Сметливый был ученик.
Старым его ужь считали солдатом,
Стал он любимцем полка;
В этом Измайловце щеголеватом
Кто бы узнал мужика!
Он безупречно во всяком наряде
Службу свою отбывал,
А по стрельбе скоро в первом разряде
Ротный его записал.
Мы бы в учебной команде зимою
Стали его обучать,
И подготовленный, он бы весною
В роту вернулся опять;
Славным со временем был бы он взводным...
Но не сбылись те мечты!
...Кончились лагери: ветром холодным
Желтые сдуло листы,
Серый спустился туман на столицу,
Льются дожди без конца...
В осень ненастную сдали в больницу
Нашего мы молодца.
Таял он, словно свеча, по немногу
В нашем суровом краю;
Кротко, безропотно Господу Богу
Отдал он душу свою.
Умер вдали от родного селенья,
Умер в разлуке с семьей,
Без материнского благословенья
Этот солдат молодой.
Ласковой, нежной рукою закрыты
Не были эти глаза,
И ни одна о той жизни прожитой
Не пролилася слеза!
Полк о кончине его известили, —
Хлопоты с мертвым пошли:
В старый одели мундир, положили
В гроб и в часовню снесли.

К выносу тела к военной больнице
Взвод был от нас наряжен...
По небу тучи неслись вереницей
В утро его похорон;
Выла и плакала снежная вьюга
С жалобным воплем таким,
Плача об участи нашего друга,
Словно рыдая над ним!
Вынесли гроб; привязали на дроги,
И по худой мостовой
Старая кляча знакомой дорогой
Их потащила рысцой.
Сзади и мы побрели за ворота,
Чтоб до угла хоть дойти:
Взводу до первого лишь поворота
Надо за гробом идти.
Дрогам во след мы глядели, глядели
Долго с печалью немой...
Перекрестилися, шапки надели
И воротились домой...
Люди чужие солдата зароют
В мерзлой земле глубокó,
Там за заставой, где ветры лишь воют,
Где-то в глуши далекó.
Спи же, товарищ ты наш, одиноко!
Спи же, покойся себе
В этой могилке сырой и глубокой!
Вечная память тебе!

Мыза Смерди.
22-го августа 1885 г.

В ДЕЖУРНОЙ ПАЛАТКЕ

I.

Гаснет день. Я сижу под палаткою
И гляжу, как гряды облаков
Мчатся тенью прозрачной и шаткою
Над зеленым простором лугов.

Приутихли беседы веселые;
Вечер... Все разбрелись на покой;
Только поступью ровной, тяжелою
Ходит взад и вперед часовой.

И легко, и привольно так дышится
После долгого знойного дня;
Где-то песня солдатская слышится...

И сижу я один без огня...
Тихо полог палатки колышется,
Сладкий сон обвевает меня...

Красное Село
14-го июля 1886 г.

12-е ОКТЯБРЯ 1886

Вся семья сошлася полковая,
Привелось опять собраться нам,
И опять братина круговая
Заходила по рукам.

Пьем мы и за Русскую Державу,
И за здравье Государя пьем,
И за вас, сражавшихся на славу,
В бой под Горным Дубняком.

Выпьем же и за солдата,
Осушим братину за него,
Пусть и навсегда его булата
Грозно будет торжество!

С той же доблестью непобедимой
Да сразится молодой солдат,
Как сразились вы неустрашимо
Девять лет тому назад!

С. -Петербург.

НА 12-е ОКТЯБРЯ 1887

В Измайловской семье из круговой братины
Сегодня мне испить не суждено, друзья!
Но верьте, в этот день великой годовщины
И сердцем, и душой незримо с вами я.

Товарищи, не все ль пылаем мы любовью
Ко славе родины и нашего полка?
Не все ль опять своей пожертвуем мы кровью,
Как десять лет назад в окопах Дубняка?

Хотя бы крови нам пролить пришлося реки,
Ужель не постоим за родину свою?
Да здравствует же полк Измайловский во веки,
Да здравствует, сплотясь в единую семью!

Шверин.
7-го октября.

ПИСЬМО К ТОВАРИЩУ

Я за границей... Здесь со мной
Любезны, ласковы, радушны, —
И все же хочется домой:
Не понутру мне запад душный.

Вдали от всех забот и дел,
Благословляя свой удел,
Здесь можно б жизнью наслаждаться
Но не могу я дня дождаться,
Когда вернусь отсюда к вам,
К занятьям, службе и трудам.
Скитаясь по чужому краю,
Я от безделия скучаю.
Мне роты здесь недостает,
Недостает полка родного...

Когда ж желанный день придет,
Когда я в роте буду снова,
Кто встретит с рапортом меня?
Жильцов ли дюжий, краснощекий,
Иль ваша слабость и моя,
Сам Добровольский черноокий,
Невозмутимый малоросс,
Несообщительный, безмолвный,
Чей нрав, противоречий полный,
Для нас загадочный вопрос?
Или Якимов бородатый,
Неповоротливый толстяк?
Иль молодец щеголеватый
Лихой воинственный Ермак
С коронацьонною медалью
И штуцерами на часах?
Или Рябинин мой с печалью
В больших, задумчивых глазах,
С лицом разумным и красивым,
Сперва считавшийся ленивым,
Теперь же — воин хоть куда,

Исправный, ревностный всегда,
Кого «ефрейтором гвардейским»
За длинный рост зовут в рядах?
Иль Фрайфельд с несколько еврейским
Оттенком в речи и чертах?

В ноябрьский день холодный, мрачный
В казарме снова буду я.
Андрей Никитич Сагайдачный,
Цепочкой штуцерной звеня,
Засуетится в коридоре
И в бесконечном разговоре
Подробно станет излагать
Свое фельдфебельское мненье
О том, что надобно пригнать
Мундиры в первом отделенье;
Расскажет мне, как дорога
Цена на сено и капусту
И то, как командир полка
Нашел, что не довольно густо
Был сварен в пятницу горох,
Что писарь мой по строю плох,
И что почаще на ученье
Портных бы надо выводить.
Он это все в одно мгновенье
Мне не упустит доложить...

. . . . . .

Пройду в покой второго взвода.
Там, между окон, против входа
Святой Георгий на коне
Во чрево грозного дракона
Копье вонзает; та икона
Была устроена при мне
Тому назад уже два года,
Когда во все четыре взвода
Мы заводили образа.
Тут подле взводного направо

Мне попадется на глаза
Ефрейтор Лейман, бойкий, бравый,
Самарский немец-колонист;
А рядом — вкрадчив и речист —
С всегдашней ясностью во взгляде
Мой Краснопевцев жалонёр,
Который в Федровском посаде,
Как говорят, через забор
Перелезал ночной порою,
Чтоб слив поесть в чужом саду;
Но мы доверчивой душою
Не верим в эту клевету,
И в наступающем году
Наш Краснопевцев — будет взводный.

И в третий взвод направлюсь я.
Там с виду важный и дородный
Степенный Лапин ждет меня,
А с ним Белинский плутоватый
И Захарчук молодцоватый,
Усы потуже закрутив
И шапку на́ бок заломив...

. . . . . .

Теперь в четвертый взвод мне с вами
Еще осталось заглянуть.
Там, широко расправя грудь
И пожирая нас глазами,
В дверях Хрисанф Васильев ждет.

С ним на маневрах прошлый год,
Когда, под Павловским редутом,
Вблизи Кирхгофской высоты,
Всю ночь служили нам приютом
Канавы, камни, да кусты,
Лежал я рядом до рассвета.
Ах, ночь безоблачная эта
При лунном блеске, при звездах,

И боевая обстановка,
И непривычная ночевка
На чистом воздухе, в полях
Со взводным унтер-офицером,
И холм, и кирка, и редут
В тумане тонущие сером
Из головы моей нейдут!

Затем я буду межь рядами
Искать ефрейтора глазами,
Который шьет мне сапоги
С остроконечными носками;
Они неловки и узки,
Но право, как-то веселее
Мне в этих ротных сапогах.

А вот, сапожника левее,
Татарин, ростом небольшой,
Красивый, дельный и смышленый,
Левофланговый отделенный,
Тимаев бойкий и лихой.
Я помню: как-то на привале,
То было в августе, в начале,
Когда, пройдя далекий путь,
Остановились отдохнуть
Мы в месте диком и пустынном,
Он на арабском языке
Прочел мне надпись на старинном
Дамаскированном клинке.

Зайдя во все покои сряду,
Везде приветствуя людей,
За стол с бумагами засяду
Я в канцелярии моей.

И Павел Вальтер, писарь ротный,
Всегда опрятный, чистоплотный,
Читавший Шиллера, едва ль
Не все его стихотворенья

На память знающий, за чтенье
Французской книги «Germinal»
Чуть не подвергнутый взысканью,
Мне даст бумаги подписать;
И выводя и чин, и званье,
Своею подписью скреплять
Без счета рапорты я буду
И кипу сведений, и груду
Различных списков (без чего
Нельзя добиться ничего)...

. . . . . .

Покончив с этими делами,
В казарму двери мы запрем,
И наконец останусь с вами
Я в канцелярии вдвоем;
И отводить мы душу будем
В беседе дружеской опять
И дни разлуки позабудем.

Вам надо будет рассказать
Мне обо всем, что в роте нашей
Происходило без меня.
Поверьте, не в пример мне краше
Казарма милая моя,
Где рота ждет меня родная,
Всех здешних за́мков и палат.
Подумайте! Я как солдат,
Последний месяц доживая
Пред увольнением в запас,
Считаю, много ль остается
Дней, что еще пробыть придется
Вдали от родины, от вас.

Простите! Долгой болтовнею
Я вам, быть может, надоел,
И положить пора предел
Писанью этому. Но мною

Так полновластно овладел
Наплыв пленительных мечтаний
Про наше ротное житье,
Что позабыл я в увлеченье,
Как много надо вам терпенья,
Чтоб дочитать письмо мое.

Альтенбург.
15-го октября 1887 г.

ПИСЬМО К ДЕЖУРНОМУ ПО ПОЛКУ

По вас, товарищи, вздыхаю
Здесь на чужбине я опять;
Меня к родному тянет краю,
Без службы начал я скучать,
И надоел мне путь далекий.
Чтоб разогнать свою тоску,
Писать я вздумал эти строки.

Вы, как дежурный по полку,
Порядков внутренних блюститель,
Официальное лицо
И офицерства представитель,
Мое прочтите писмецо.

Поверьте, право с наслажденьем
Я отдежурил бы за вас!
Каким пленительным мгновеньем
Мне представляется тот час,
Когда на Троицком проспекте
Перед собором полковым
Развод бывает должностным
В полнейшем собранным комплекте,

«Здорово, братцы!» крикнет им
Дежурный. «Здравия желаем!»
В ответ они ему вскричат.
Толпой зевак сопровождаем,
Пойдет вдоль фронта он наряд
Сличить внимательно с приказом
И их окинуть зорким глазом.

Тут с караулом полковым
Патруль, подчаски, вестовые
И в дом Гарновского ночные,
И рота целая с одним
Из офицеров помоложе:

Их снарядят мгновенно в путь,
Когда — чего избави Боже! —
Пожар случится где-нибудь.

Все на местах: ужь все готово,
Уже час роспуска настал, —
Идет к разводу генерал.

Кричит и он свое «здорово!»
И на начальника привет
Обычный слышится ответ.
И против каждого он ряда
Найдет заметить что-нибудь.
Ничто от опытного взгляда
Его не может ускользнуть.
Там животом стоит фланговый,
Приклада тот не довернул,
А этот, рослый и здоровый,
Ужь слишком локоть затянул;
Один в шинели неуклюжей,
И не застегнут воротник,
Другой еще оделся хуже, —
Неладно пригнан там башлык,
А здесь худая рукавица.

Дежурный слушает, дивится,
Как ни старался, ни смотрел,
Как ни равнял перед началом,
Все кой-чего не доглядел.

Немой толпой за генералом
Идут и ротные во след,
И батальонный командиры,
Дрожа за старые мундиры,
Забот отеческих предмет.
Как озабочены их лица,
Как безпокоен быстрый взгляд,
Когда погон или петлица
Его вниманье обратят.

Но все идет благополучно:
Наш генерал сегодня тих,
И всем «Спасибо!» крикнув звучно,
Он распускает должностных.

Теперь пожарная лишь рота
Еще ждет участи своей:
Начальству, видно, не охота
Не поучив расстаться с ней.

И начинается ученье:
Плечом заходят отделенья,
И без конца, за рядом ряд,
Шагает рота неуклонно,
Пока двухвзводною колонной
Ее построить не велят.
Ужь раздавалося довольно
И на плечо, и ружья вольно,
И поворот был на бегу...
Морозом щиплет уши больно,
Дежурный зябнет на снегу.

Но вот из сомкнутого строю
Велят зняться пред концом
Еще примерною пальбою;
И развернувшися бегом,
Победоносно в заключенье
Летит вся рота на ура.
Вот как кончается ученье,
Когда обедать нам пора...

И в офицерское собранье
Теперь дежурный офицер
Идет поспешно, в упованье
Согреться чем, хоть например,
Вином иль водкою перцовой.
А между тем давно в столовой
Ужь собралися господа:
Для них тактических занятий

Настала злая череда.
Но вместо смелых предприятий
На планах мнимой той земли,
Что Скугаревский с Энгельгардтом
Нам на беду изобрели,
Одни закуску предпочли,
Другие жь тешатся бильярдом.

Давно бы, кажется, пора
Придти полковнику в собранье;
Ужь и ему ль не в наказанье,
Как нам, военная игра?
Но вот пришел он и сурово
В холодный танцовальный зал
Из биллиардной и столовой
Всех на занятия позвал...

Часы проходят вереницей, —
Короток петербургский день,
И незаметно над столицей
Ложится зимней ночи тень.

И от труда устав дневного,
Вкусить и отдых, и покой
В дежурной комнате вы снова
Сойдетесь дружною семьей.

Здесь, одинокий,на чужбине
Я слышу ваши голоса,
И вижу я: дрова в камине
Пылают; света полоса
От лампы с зонтиком упала
На стол, где каждого журнала
Мы представителя найдем.
Здесь, на досуге, вечерком
Ведем мы тихие беседы,
Здесь наши радости и беды
Мы разделяем межь собой...

Друзья, унылою душой
Я за границею тоскую...
В семью мне хочется родную,
В наш полк, на родину, домой!

Севилья.
5-го ноября 1887 г.

В ДЕЖУРНОЙ ПАЛАТКЕ

II.

Снова дежурю я в этой палатке;
Ходит, как в прежние дни, часовой
Взад и вперед по песчаной площадке...
Стелется зелень лугов предо мной.
Здесь далеки мы от шумного света,
Здесь мы не знаем тревожных забот.
Жизнь наша рвеньем горячим согрета,
Каждый здесь царскую службу несет.

**
*

Вот отчего мне так милы и любы
Эти стоянки под Красным Селом,
Говор солдатский веселый и грубый,
Шопот кудрявых березок кругом,
Эта укромная наша палатка,
Этот широкий простор луговой...
В лагерной жизни труда и порядка
Я молодею и крепну душой!

Красное Село
31-го мая 1888 г.

УВОЛЕН

Уволен! Отслужена служба солдата,
Пять лет пронеслись словно день;
По прежнему примет родимая хата
Его под радушную сень.
Там ждет не дождется жена молодая,
Там ждут и сынишка, и мать...
Малютка-то вырос, отца поджидая,
Пожалуй, его не узнать.
Ужь близко теперь: вот знакомые нивы
И речка, и жиденький мост;
Вот церковь белеет, и старые ивы
Склонились на мирный погост;
Вот избы: все снегом пушистым одето,
Овин, огороды, гумно,
И трудно поверить ему, что все это
Покинуто им так давно.
Как будто вчера лишь с родной, дорогóю
Семьей разлучали его.
Седая старушка дрожащей рукою
Крестила сынка своего;
Вся бледная мужу повисла на шею,
От слез надрываясь, жена:
Всего лишь два годика прожил он с нею,
Уж с ним расставалась она.
Покойник отец был испытан годами,
Сурового нрава мужик,
Но как ни крепился, — не сладил с слезами,
Прощаясь с сыном, старик.
Болезненно сердце заныло тоскою
У нашего парня в груди:
Все счастье, казалось, разбито судьбою,
И горе одно впереди...
Но в горе мужает душа человека:
Кто в жизни бедой закален,
Тот духом сильнее. Таков уж от века
Нам Богом положен закон.

Солдатом он стал Государевой роты
В одном из гвардейских полков;
Сначала скучал без обычной работы,
Оторван от сельских трудов.
И шумно, и душно казалось в столице
Ему после тихих полей,
Где рос на свободе он вольною птицей
На родине милой своей.
И долго по ней тосковал он... Но время
И молодость взяли свое, —
Привык, и слюбилось солдатское бремя
И новое это житье.
Товарищей добрых нашлося довольно,
Таких же, как он, молодцов,
От той же отторгнутых жизни привольной,
От жен, матерей и отцов.
Им стала второю семьею та рота,
Сроднил межь собою их полк,
Одна их связала друг с другом забота,
И царская служба и долг.
Тот долг исполняя во всем терпеливо
Не ради похвал и наград,
Служил он усердно, исправно, ретиво,
Как служит наш русский солдат.
Веселый и ревностный, бойкий, смышленный
И взводный потом командир.

Идут ли походом в дни жаркого лета,
И все приуныли в пути,
Он бодр и беспечен, хотя б на край света
Еще приходилось идти.
Дожди ли над лагерем нашим польются,
Тоску наводя на людей,
В палатке его и поют, и смеются,
Хоть вымокли все до костей.
Зимой, в долгий вечер, в казарме толпою
Солдаты его окружат;
Товарищам книжку прочесть иль простою
Занять их беседой он рад.

Когда жь на покой разбредутся, то волю
Заветным мечтам он дает,
Родных вспоминает, их горькую долю
И долго очей не сомкнет.

Немного вестей приходило оттуда;
Писали, ужь с год, что постом
В могилу отца уложила простуда,
И не было писем потом.
Теперь что-то сталося с ними? Быть может,
Ему изменила жена?..
И сердце тоска безотчетная гложет,
Душа злой кручины полна...
А время летело; с родными свиданья
Ужь близился радостный час,
Стрелою промчалися дни ожиданья,
И был он уволен в запас.
И вот, наконец, он на родине милой,
Подходит к деревне родной...
Забилося сердце, и дух захватило,
От радости сам он не свой.
Вот с края деревни знакомая крыша
Приветливо манит к себе;
Все шибче, земли под ногами не слыша,
Бежит он к родимой избе.
И все с каждым шагом растет нетерпенье...
Вот, вот она, хата его!
Но, что это это значит? В каком разрушенье:
Дверь настеж, внутри-никого;
Повыбиты стекла, свалились ворота...
Но что́ же жены не видать?
Иль может, нашлась ей какая работа,
А с ней и сынишка и мать?
И душу тревожит дурная примета...
Спросить бы соседей?.. Но к ним
Идти он боится, страшася ответа,
Предчувствием смутным томим.
Задами, послушный неведомой силе,
Он к церкви неспешной стопой

Идет поклониться отцовской могиле
И думает: тою порой
Вернутся родные...
По кладбищу бродит
Он между могил и крестов;
Легко на одном незнакомом находит
Он надпись из нескольких слов.
У самой ограды под старой сосною
Отец его был схоронен.
И набожно воин, крестяся рукою,
Кладет за поклоном поклон.
Других два креста та сосна осенила
Угрюмою тенью своей,
И свежая детская чья-то могила
Ютилася тут же под ней.
Случайным, рассеянным взглядом невольно
Прочел имена он, и вдруг
В глазах помутилось, грудь сжалась так больно,
И выпала шапка из рук.
Опять пораженный, как грома ударом,
Читает те надписи он, —
Глаза не ошиблись: на службе не даром
Он грамоте был обучен.
И снова не веря, он снова читает
Все те ж роковые слова...
Кручина жестокая сердце терзает,
Поникла на грудь голова.
Ему те надгробные строки сказали,
Что счастье погибло навек:
Что некому высказать лютой печали,
Что лишний он стал человек,
Что тех, кто так дороги были и милы,
Ему не видать никогда,
Что в мире остались ему лишь могилы,
Лишь горе, да злая нужда...
Садилося солнце; зарею вечерней
Румяный зардел небосклон;
Смеркалось... Ударили в церкви к вечерне,
И тихий послышался звон.

Лились, замирая вдали, эти звуки,
Как зов милосердый Того,
Кто дал человеку душевные муки
И в горе утешит его.

Павловск.
10-го сентября 1888 г.

В ДЕЖУРНОЙ ПАЛАТКЕ

III.

Вот опять под этой же палаткой
Сижу один, как в прежние года.
Мне не забыть, о муза, как украдкой
Незримая, являлась ты сюда!

Лишь только ночь, бывало, в небе ясном
Своих огней заводит хоровод,
Ужь сердцем я, всегда тебе подвластным,
Невольно твой угадывал приход.

Я замирал, восторгов чистых полный
Под взором глаз невидимых твоих,
И в этот час, таинственно-безмолвный,
Пленительный в душе слагался стих.

О, если бы тот миг учуять снова!
Уже во тьме узоры звезд зажглись.
Все спит кругом. Душа моя готова.
Я жду тебя... О, муза, появись!

Красное Село.
5-го июля 1889 г.

IV.

Ты снова со мною, о, муза моя,
Здесь, под лагерной этой палаткою;
Вновь песни любимые слушаю я,
Упиваясь их негою сладкою.

Те песни дают постигать красоту,
Где ее угадать и не чается:
От них, как от вешних лучей, все в цвету,
Все в волшебные сны облекается.

Тобой вразумленный, я в песнях твоих
Полюбил нашу долю солдатскую,
И все, что прекрасно в ней, вылилось в стих,
Вдохновленный любовию братскою.

И о́бдало новою жизнью меня,
Жизнью полною смысла и рвения.
Прими жь в благодарность, о муза моя,
Этот радостный возглас хваления!

Красное Село.
2-го июня 1890 г.

СОЛДАТСКИЕ СОНЕТЫ

I.

Пред увольнением

В его глазах прочел я скорбь немую,
Лишь он предстал впервые предо мною:
Семью и дом, и сторону родную
Покинул он для жизни боевой.

Прошли года. Всю силу молодую,
Весь рьяный пыл он в долг влагает свой.
Усердие и простоту святую —
Как не любить в солдате всей душой?

И я люблю с отеческой заботой;
Но сжиться он едва успеет с ротой,
Как подойдет срок выслуженных лет.

Я с ним делил и радости и горе,
А он — печаль в моем прочтет ли взоре,
Которым я взгляну ему во след?

Красное Село.
26-го июля 1890 г.

II.

НОВОБРАНЦУ

Теперь ты наш. Прости, родная хата,
Прости, семья! С военною семьей
Сольешся ты родством меньшого брата,
И светлый путь лежит перед тобой.

Усердием душа твоя богата,
Хоть дремлет ум, объят глубокой тьмой;
Но верность, честь, все доблести солдата
Тебе внушит отныне долг святой.

И прежний мрак уступит дня сиянью:
Все доброе, досель в груди твоей
Дремавшее, пробудится к сознанью;

Когдажь придешь к своим, в простор полей,
Не изменяй высокому призванью
И сей добро на родине своей!

Петербург.
11-го января 1891 г.

III.

ЧАСОВОЙ

Взят от сохи, полей вчерашний житель,
Ты на часах сегодня, рядовой,
Недремлющий терпенья выразитель,
Неколебим, могуч и тверд душой.

Предстань тебе крылатый небожитель
И повели с поста сойти долой, —
Не внял бы ты: лишь тот твой повелитель,
Чьим словом здесь стоишь ты, часовой.

Твоя рука оружья не положит,
Тебя ничто лишить его не может,
Ты лишь Царю отдать его готов.

В глазах толпы пусть твой удел ничтожен.
Нет! На тебя великий долг возложен:
Здесь на посту ты Божий да Царев!

Петербург.
13-го февраля 1891 г.

IV.

ПОЛК

Наш полк! Заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Другим оно старó, для нас — все так же ново
И знаменует нам и братство, и семью.

О, знамя ветхое, краса полка родного,
Ты, бранной славою венчанное в бою! *)
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою!

Полк учит нас терпеть безропотно лишенья
И жертвовать собой в пылу святого рьвенья.
Все благородное: отвага, доблесть, долг,

Лихая удаль, честь, любовь к отчизне славной,
К великому Царю и вере православной,
В едином слове том сливается: наш полк!

---

*) Вариант:

О, ветхий наш штандарт, краса полка родного,
Ты, браной славою увенчанный в бою!

Красное Село.
31-го мая 1899 г.

ПОРТ - АРТУРЦАМ

Среди громóв и молний бури бранной
Твердыни вы незыблемый оплот.
Смерть, в очи вам глядяся непрестанно,
Борцам венцы бессмертия плетет.

О, страстотерпцы! Мукой несказанной
Запечатлен осады грозный год...
За ужасы лишений и невзгод
Блеснет ли вам свободы день желанный?

Вы претерпеть готовы до конца;
Богатырей в вас ожили сердца
С их мужеством, отвагою и рвеньем.

России слава, гордость и любовь,
За подвиг ваш, страдания и кровь
Мы скорбью платим вам и восхищеньем.

Псков.
8-го декабря 1904 г.

ПОРТ - АРТУР

В пылу борьбы, упорной, неустанной,
О как велик ваш подвиг и высок!
Там далеко, где в пламени восток,
Среди громов и молний бури бранной,
Вам в очи смерть глядится непрестанно
И павшим вьет безсмертия венок.

Зальет ли вас неистовый поток?
Свобода ли блеснет зарей желанной?

Что б ни было: в вас русские сердца
И ждет ли гибель вас или забвенье
Вы претерпеть готовы до конца.
России трепет, скорбь и восхищенье
Примите-же за пролитую кровь
Вы, наша слава, гордость и любовь.

КАДЕТУ

СОНЕТ

Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой.
Ты не один: орлиная вы стая.

Настанет день, и крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой.
Завидна смерть за честь родного края!

Но подвиги и славные дела
Свершать лишь тем, в ком доблесть расцвела:
Ей нужны труд и знанье, и усилья.

Пускай твои растут и крепнут крылья,
Чтоб мог и ты, святым огнем горя,
Стать головой за Русь и за Царя.

Воронеж-Вольск.
11-го марта 1909 г.

НА 25-ЛЕТИЕ ИЗМАЙЛОВСКОГО ДОСУГА

Робко мы в храме огонь возжигали
С жертвой смиренной своей,
Не проникая туманные дали
Жречества будущих дней.

Лиру и меч мы сплетали цветами
И не гадали о том,
Как наш алтарь разгорится с годами
Светлым и жарким огнем.

Вам завещаем мы наше служенье:
Старым пора на покой, —
Юное, полное сил поколенье
Пусть нас заменит собой.

О, да не гаснет наш пламень заветный,
Бережно нами храним!
Пусть он пылает отрадный, приветный,
Пусть озаряются им

Долго Досуги! Дверь храма родного
Двадцать пять лет отперта;
Нам ее отперли эти три слова:
Доблесть, добро, красота.

Павловск.
2-го ноября 1909 г.

ЮНКЕРУ

СОНЕТ

Ты — что рассвета вешняя заря:
Минула ночь, до дня еще далеко,
Как утра блеск твое сияет око,
Решимостью и удалью горя.

Мир тесен для тебя: вдаль за моря
Стремишься ты, за облака высоко
И рад сражаться с недругом жестоко
За родину, за веру, за Царя.

Повеет лето за весной прекрасной.
О, встреть его, храня душою ясной
Отвагу, доблесть, мужество и честь;

Чтобы закатом осени холодной
До зимней тьмы стезою благородной
Светильник правды и добра донесть.

Полоцк.
6-го декабря 1910 г.

НОЧИ

Ни звезд, ни луны, небеса в облаках.
Ветер замер. В лесу тишина.
Не дрогнет ни единый листок на ветвях.
Эта ночь тайной неги полна́!

Ни слез, ни борьбы, позабыт мир земной,
И одна лишь в душе благодать.
В упоеньи так сладостно с нежной тоской
Этой ночи безмолвной внимать!

Она овладела таинственно мной...
Ожидая чего-то, стою...
Полновластная ночь, я один пред тобой:
О, поведай мне тайну свою!

Близ станции Белой.
2-го октября 1889 г.

Ах, эта ночь так дивно хороша!
Она томит и нас чарует снова...
О, говори: иль не найдется слова,
Чтоб высказать все, чем полна душа?

В такую ночь нельзя владеть собой,
Из груди сердце вырваться готово!..
Нет, замолчи: что может наше слово
Пред несказа́нной прелестью такой?

Красное Село.
5-го июля 1890 г.

Ночь. Небеса не усеяны звездами:
В свете немеркнущем тонут они.
Чу! Соловьи залилися над гнездами...
Томно и больно, и трепетно мне...

Вдоволь бы песни наслушаться сладостной,
Взором бы в небе тонуть голубом!
Горе забыто душой жизнерадостной:
Ночью ль такой помышлять о земном!

Красное Село.
17-го июля 1890 г.

СОНЕТЫ К НОЧИ

I.

Что за краса в ночи́ благоуханной!
Мечтательно ласкает лунный свет;
Небесный свод, как ризой златотканной,
Огнями звезд бесчисленных одет.

О, еслиб там, в стране обетованной,
Где ни забот, ни слез, ни горя нет,
Душе расцвесть красою первозданной,
Покинув мир страданий, зол и бед!

Но может быть, там суждено забвенье
Всего того, чем в нежном умиленье
Здесь на земле пленялася душа?

Нет, будем жить! Хоть скорбью и тоскою
Больная грудь сжимается порою,
Хоть страждем мы, но жизнь так хороша!

Красное Село.
23-го июля 1890 г.

II.

За день труда, о, ночь, ты мне награда!
Мой тонет взор в безбрежной вышине,
Откуда ты глядишься в душу мне
Всей красотой нетленного наряда.

В сиянии твоем — что́ за услада,
И что́ за мир в отрадной тишине!
Я признаю́ в сердечной глубине
Власть твоего чарующего взгляда.

Цари, о ночь, и властвуй надо мной,
Чтоб мне забыть о суете земной,
Пред тайною твоей изнемогая,

И, немощным восхитив к небесам,
Окрепнувшим верни, о, неземная,
Меня земле, к заботам и трудам!

Контрксевиль.
17-го мая 1892 г.

III.

Здесь, в тишине задумчивого сада,
Опять, о, ночь, меня застанешь ты,
И все одной душа полна мечты,
Что я калиф, а ты — Шехеразада.

Последняя нарушена преграда
Межь миром слез и дольней суеты
И царством грез и горней красоты:
Я твой, о, ночь! Межь нами нет разлада.

Ты шепчешь мне про таинства небес,
И словно я с лица земли исчез,
Отдавшись весь твоей волшебной воле.

Калиф внимал красавице своей,
Но ты одна мне рассказала боле,
Чем в тысячу уведал он ночей.

Штадтгаген.
11-го июня 1892 г.

IV.

Люблю, о, ночь, я погружаться взором
В безоблачность небесной глубины.
Какая чистота! Как с вышины
Ласкаешь ты лазоревым убором!

Ты так светла, что меркнет лик луны,
Пустыней горнею плывя дозором,
И сонмы звезд бледнеющим узором
Звойной зари сиянием спалены.

О, нежная, прозрачно-голубая!
Гляжу, с тебя очей не отрывая,
Лицом к лицу пред тайною твоей.

Дай от тебя, о, ночь, мне научиться
Средь дольней тьмы душою становиться,
Как ты сама, все чище и светлей!

Новгород.
21-го июня 1899 г.

V.

Нет, не туда, о ночь, в плененом созерцанье
Взор устремляется, где в ризе золотой,
В огнях и пурпуре сокрылся царь дневной,
Багряным заревом пылая на прощанье.

Усталые глаза хотят красы иной:
Там, у тебя они найдут очарованье,
Где кротко теплится нетленное сиянье
И млеет ясною и томной синевой.

От рубежа небес с его зарей огнистой
Я очи возвожу к твоей лазури чистой
И признаю́ меж нас таинственный союз.

Тебе, о, ночь, тебе, царице светозарной,
С восторгом радости, с молитвой благодарной
Я умиленною душою отдаюсь!

Стрельна.
4-го июля 1899 г.

Тихая, теплая ночь. Позабудь
Жалкие нужды земли.
Выйди, взгляни: высокó млечный путь
Стелется в синей дали.

Чтó перед светлою звездной стезей
Темные наши пути?
Им, ознакомленным с ложью людской
Неба красой не цвести.

Глаз не сводил бы с лучистых высот!
— Выйди, зову тебя вновь:
В небо вглядись, отрешись от забот,
К вечности душу готовь.

Павловск.
22-го августа 1900 г.

СОНЕТЫ К НОЧИ

I.

Она плывет неслышно над землею,
Безмолвная, чарующая ночь;
Она плывет и манит за собою
И от земли меня уносит прочь.

И тихой к ней взываю я мольбою:
— О ты, небес таинственная дочь!
Усталому и телом, и душою
Ты можешь, бестелесная, помочь.

Умчи меня в лазоревые бездны:
Свой лунный свет, свой кроткий
пламень звездный
Во мрак души глубокий заронИ:

И тайною меня обвея чудной,
Дай отдохнуть от жизни многотрудной
И в сердце мир и тишину вдохни.

Мраморный дворец.
19-го сентября 1904 г.

II.

Какой восторг! Какая тишина!
Благоуханно ночи дуновенье;
И тайною истомой усыпленья
Природа сладостно напоена.

Тепло... Сияет кроткая луна...
И очарованный, в благоговенье
Я весь объят рассветом обновленья,
И надо мною властвует весна.

Апрельской ночи полумрак волшебный
Тебя, мой стих мечтательно-хвалебный,
Из глубины души опять исторг.

Цветущую я созерцаю землю
И, восхищен, весне и ночи внемлю...
Какая тишина! Какой восторг!

Павловск.
21-го апреля 1906 г.

III.

О, лунная ночная красота,
Я пред тобой опять благоговею.
Пред тишиной и кротостью твоею
Опять немеют грешные уста.

Так непорочна эта чистота,
Так девственна, что омовенный ею
Восторгом я томлюсь и пламенею.
Как эта ночь, будь, о душа, чиста

Отдайся вся ее целебной власти,
Забудь земли и помыслы, и страсти,
Дай пронизать себя лучам луны.

И просветленней, бестелесней ночи,
И мира полная, и тишины,
Ты вечности самой заглянешь в очи.

Осташево.
17-го августа 1909 г.

ВОЗРОЖДЕННЫЙ МАНФРЕД

(Драматический отрывок)

По прочтении поэмы Байрона «Манфред» в одном товарищеском кружке явилась мысль изобразить душевное состояние Манфреда в его загробной жизни; вот вследствие чего был написан предлагаемый драматический отрывок. Он начинается там, где окончена поэма Байрона; все почти действующие лица заимствованы у английского поэта. Но содержание «Возрожденного Манфреда» независимо от произведения Байрона, которое, заканчиваясь смертию Манфреда, побудило меня воспользоваться данными поэмы, чтобы создать самостоятельное сочинение. Под именами действующих лиц не подразумевается никакого отвлеченного понятия, и за ними не следует искать какой-либо задней мысли. Астарта, например, просто женское имя без всякого намека на значение финикийского божества или на олицетворение чувственной любви.

СЦЕНА I.

ВНУТРЕННОСТЬ БАШНИ

Манфред *(невидимый).* — Аббат *над трупом.*

МАНФРЕД

Ужели это смерть?.. Ужель я умер?..
Ужели так внезапно прекратилась
Земная жизнь? И все ее печали,
Мучения, страдания и скорби
Рассеялись, как мимолетный сон!..
Да, вот и труп... Мой жалкий, бренный труп,
Сосуд души бессмертной! Миновала
Пора, когда он, как алтарь священный
Носителем был той небесной искры,
Что оживляла душу Прометея;
Когда стремлений, воли, чувств, страстей
И мысли в этом бездыханном трупе
Свершились всесожжения и жертвы.
А ныне уж ненужный никому,
Поверженный во прахе, вскоре сам
Он жертвою соделается тленья;
И черви, эти жители гробов,
Изгложут обезличенное тело;
И кости пожелтелые его
Начнут зловоненье издавать и смрад.
И все, которые с подобострастьем
Назойливо вокруг меня толпились,

Свои услуги предлагая, жизнь
Мне отравляла просьбами, участьем,
Советами непрошенными, — все
Глядеть на труп мой будут с отвращеньем
И от него брезгливо отвернутся.
Мой бедный труп!..
А все старик, склонившись
Над ним, его окоченелых рук
Не выпускает из своих; его
Очей печальных взор как-бы прикован
К чертам застывшим мертвого лица.
О чем он думает? Иль разгадать
Пытается умом бессильным он
Великую, немую тайну смерти?
Тебе ль постигнуть мыслью близорукой
Ту роковую, грозную причину
И многой радости, и скорби многой?
В премудрости я не чета тебе,
В вопросах бытия, в труде, науках,
В учениях о Боге, о вселенной,
В познаниях и верованьях я
Далеко превзошел весь род людской,
И все же ту неведомую силу,
Которую он смертью называет,
Я объяснить не мог себе ничем.
Я видел в ней одно освобожденье
От мук земных и ждал ее, как блага;
Но непонятен был мне этот сон,
Оцепененье это и застой,
И непонятно то, что ждет нас там,
За безответным гроба рубежом.

АББАТ

Как хороши черты его лица!
Покой невозмутимый, безмятежный
На нем написан. На море бывает
Так после грозной и жестокой бури,
Когда свирепые затихнут ветры,

И бурные улягутся валы.
Он словно спит. Блаженная улыбка
Еще по бледным крадется устам;
Хотя померкнул блеск его очей;
Но взоры их обращены, быть может,
Теперь в другой, для нас незримый мир
И созерцают то, чего глазами
Несовершенными не видим мы,
Что недоступно зренью человека...
Быть может, эти сомкнутые очи
Прозрели для небес, и снятся им
Теперь неизглаголанные сны...
Быть может, слух его лелеют ныне
Неизреченные напевы рая...
Но если он — о страшная мечта! —
Что, если не прощенная Творцом
Его душа на небо отлетела
И, отягченная земным грехом,
Томится, сознавая, что уж нет
Раскаянья за гробовым пределом,
И предвкушает вечные мученья?
Зачем моим молениям не внял ты?
Зачем не каялся и не молился,
Когда предсмертный час твой наступал?
Участья полный, я спешил к тебе;
Твои страданья чуялися смутно
Сочувственному сердцу моему;
Меня тянуло непреодолимо
В твое печальное уединенье;
Какой-то голос тайный мне шептал,
Что в исповеди ты чистосердечной
Излить бы душу мог передо мною.
Я шел твои сомненья разрешить
И облегчить словами упованья
Обремененное тоскою сердце;
Но холодно ты оттолкнул меня,
Ты сам не захотел тех утешений,
Которые я нес тебе. И гордо,

Надменно от меня ты отвернулся...
Ужель все кончено? Ужели боле
Надежды нет? Ужели слишком поздно,
И мне не суждено его спасти?

МАНФРЕД

Возможно-ли? Он плачет обо мне?
О, добрый, сострадательный старик!
То бескорыстные, святые слезы
Чистосердечной, неподдельной скорби.
Он не был близок мне и никакой
От щедрости моей не мог ждать пользы.
Так что ж тогда ко мне его влекло?
И отчего я стал ему так дорог?
Какое чувство им руководило?
Ужель одна лишь к ближнему любовь?
О, если так, то несравненно выше
Старик, при всем невежестве своем,
Меня, Манфреда, с мудростью моею,
И знанием. Постичь я не могу,
Как, преклоняясь перед всем прекрасным,
Я сам не мог познаньями своими
Подобного достигнуть совершенства!
Иль всякого добра и зла земного
Еще не всю измерил глубину я,
И есть еще неведомые мне
Особенности в сердце человека?

АББАТ

Не может быть! Не все еще погибло;
Обязан, должен я его спасти!
Стенаньями и жаркими слезами
Я вымолю прощение ему.
Горé подъемля взор, пав на колени,
Я буду руки к небесам вздевать.
О, Господи! Ужель моя молитва
Не возлетит к престолу Твоему
И там Тобой услышана не будет?

Всевидящий, Ты видишь этот прах, —
Как Ты, бессмертная душа его,
Вселенная Тобою в эту плоть,
Земной юдоли поприще пройдя,
К тебе обратно воротилась ныне,
И Ты ее единый судия!
Все горести ее и все ее печали,
Все до одной Тобою сочтены.
Не мог не ведать Ты, как исстрадалась
Она в борьбе со злобою земной,
И видел Ты, какой могучей силы
Его душа исполнена была.
Ужели милосердья Твоего,
Хоть на одно еще созданье это
Ужь не достанет, — и прощенья нет
Тому, кого и я, Твой раб ничтожный,
Не осудил? О, нет, не может быть!
И если мы, под бременем грехов,
Прощать умеем нашим должникам,
То неужель, всемилосердный Боже,
Ты не оставишь, не простишь ему?
О, помяни же Твоего раба
И упокой озлобленную душу!

МАНФРЕД

Как слезы эти трогают меня!
И если б взор очей моих бесплотных
Еще слезами застилаться мог,
Я залился бы ими и рыдал...
О, как он молится! Какая вера!
Все, что познаньями я приобрел,
Имеет он, благодаря своей
Слепой, несомневающейся вере.
К чему жь моя премудрость?.. Вот вопрос.
К чему жь тогда всеведенье мое,
Мои труды, познания и сила?
Он молится и с помощью молитвы
С незримым также тесно связан миром,
Как я посредством воли непреклонной

И при могуществе души моей.
Он, обращаясь к небесам с молитвой,
От них не ждет, не требует ответа,
И в сердце нет сомненья у него.
С него довольно и того сознанья,
Что хоть единый вздох его души,
Из груди вырвавшись, взлетел на небо,
Услышан, и что внемлют там ему.
Ужель трудом усердным, мнолетним,
Вникая в смысл и тайны бытия
И разума все силы напрягая
Я старца этого не превзошел?
Ужели вера может заменить
Ему мой разум, знание мое?
Ужель ничто всеведенье науки
Пред верою неведенья его?

(Появляется тень Астарты).

АСТАРТА

Одно — познание, иное — вера.
Блажен, кто эти розные начала
В душе своей успеет примирить!
Ты мнишь одною силою мышленья
Все мировые истины обнять,
Но знай, Манфред, как ни были б велики
Способности рассудка твоего,
Как ни был бы премудрости твоей
Богат неисчерпаемый запас, —
Без веры все познания твои
Не принесут желанного плода,
Как не дозреет колос золотистый,
Когда дождем он не был орошен.
Но чтобы веровать, сперва ты должен
В своей душе гордыню заглушить.
Смирися, непреклонный дух, смирися!
И, вырвавшись из ледяных оков,
Как бурная река под вешним солнцем,
Согрет любви живительным лучом,

Земли препоны властно раздирая,
Холодный разум в новом упованьи
Тебя своим порывом увлечет!
Где вера, там любовь, а где любовь —
Надежда. Верь, надейся и люби,
И лишь тогда достигнешь ты блаженства!

(Исчезает).

МАНФРЕД

Астарта! Ты ли? Ты ли предо мною?..
Ее ужь нет... Но дивные слова
Еще звучат в душе победоносно.
За миг один свидания с тобою
Я отдал бы бессмертие мое.
О, воротись! Дай услыхать твой голос,
Дай вслушаться в святую речь твою!
Ты видишь: я и кроток и покорен,
И все готов принять я от тебя.
Лишь появись, заговори, Астарта,
И поучай Манфреда твоего!
Перед тобой моя бледнеет гордость,
И меркнет свет познанья моего!
Перед тобой легко мне преклониться,
Легко признать невежество свое
И без стыда отречься добровольно
Ото всего, что истиной считал.
На суд тебе я предаюсь охотно,
Ты властвуешь, лишь ты одна царишь
В моем отныне обновленном сердце,
И я душой предвижу в умиленьи
Твою победу, торжество твое!

СЦЕНА II.

СКЛЕП

Мануэль и Герман *закапывают могилу*. Манфред — *невидимый*.

МАНУЭЛЬ

Ужь много лет назад, когда скончался
Граф Сигизмунд, я в этом же безмолвном
И мрачном склепе выкопал могилу.
Похоронив отца, не думал я,
Что мне и сына хоронить придется.
Не мог я ждать, что в вечности Манфред
Меня опередит, и что его
Сомкнуться очи ранее моих.

ГЕРМАН

Как думаешь ты, Мануэль, что было
Причиной смерти графа?

МАНУЭЛЬ

Не пытайся
Проникнуть тайны предопределенья:
Пути Господни неисповедимы.
И грешен тот, кто дерзким размышленьем
Постигнуть хочет то, чего не знает

И знать не должен. Час его настал,
А поздно ль, рано ли — судить не нам,
Про то единый ведает Господь.
Нам надо за усопшего молиться,
Чтобы и он когда-нибудь за нас
В стране незримой Богу помолился.

ГЕРМАН

А слышал ты, что люди говорят?
Под этим сводом будто по ночам
Рыдания и стоны раздаются:
То верно грешная душа Манфреда...

МАНУЭЛЬ

Пустые бредни! Говорю тебе:
Нехорошо давать догадкам волю
И праздным любопытством нарушать
Торжественную смерти тишину.
Окончен труд. Идем отсюда, Герман.

(Уходят)

МАНФРЕД

Слуга, невежда, — и такая вера!
Он прав: к чему бесплодные догадки
И праздное, пустое любопытство,
Когда непроницаема завеса,
Которая от смертного скрывает
Загробный мир. Ужели тот аббат
И этот дряхлый седовласый старец
Меня заставят убедиться в том,
Что даром я потратил жизнь земную
И в заколдованном вращаля круге?
Пусть высшей власти духа я достиг,
И пусть иные духи мне послушны
И на мой зов являются мгновенно,
Но разве в этом счастье и покой?
Другой найдется смертный, мне подобный;

Как я, стяжает всю премудрость мира
И, обладая той же самой властью,
Меня к себе, быть может, призовет;
Не буду в силах я противостать
Могущественной воли повеленью
И на призыв предстану перед ним
Томящеюся, бледнолицей тенью...
Та власть, непобедимая та сила,
Которых страстно домогался я,
Теперь мне стали столько ж бесполезны,
Как кораблю, погибшему в волнах,
Его оснастка, парус и кормило,
Иль как развенчанному королю
Его держава, скипетр и багряница.
С последним вздохом из груди моей
Вся непреклонная исчезла воля:
Как спутница вседневная моя,
Тень неотлучная, что никогда
Меня не покидала, так и я
Теперь покинуть не могу могилу,
Где тлеют бренные мои останки.
Какою-то таинственною силой
К гробнице этой дух прикован мой...
— О, тяжко после многих долгих лет
Слепого, гордого самообмана
Сознать свое ничтожество, бессилье
И убедиться в слабости своей!...

. . . . . .

Нет, никогда я не был слаб душою!
Я до отчаянья не унижался,
Умел сносить страдания свои
И ныне с прежнею духовной силой
К заветной цели смело устремлюсь.
Я на земле искал душе покоя,
Искал блаженства, вечной тишины,
И если есть хоть доля правосудья
В непостижимом смысле бытия,
То я достигну радости желанной

И безмятежной вечности добьюсь.
Так, решено! Я прошлое забыл
И знания венец бросаю в прах,
Я сознаю неведенье свое,
Для новой истины душа открыта, —
Надеюсь я и верю, и люблю!

(Появляется Астарта).

АСТАРТА

Ты произнес заветные слова,
И я могу предстать перед тобою!
О, наконец! С гордынею своею,
С самим собою ты в борьбу вступил.
Когда б ты знал, как долго, как давно
Я ожидала этого мгновенья
И сколько выстрадала за тебя!
Молитвами своими окружала
Я сердце зачерствелое твое,
И не одна молилась я: аббат
И Мануэль, и Герман, эти слуги,
Так горячо любившие тебя,
И многие другие, о которых
И не заботился ты, и не думал, —
Да, многие молились за тебя.
Но никогда никто из них не мог
Так пламенно и жадно так молиться
Как я, твоя любовь, твоя Астарта!
Всегда, везде в твоей печальной жизни
Следила я за мыслию твоей,
Делила все и горести, и скорби
И мучилась страданием твоим.
Когда жь последний час твой наступил,
И жизни нить мгновенно порвалася
Я послана была к тебе на землю
И призраком явилась пред тобой,
Чтоб возвестить тебе все заблужденье
И всю тщету премудрости твоей.
Не прежде я могла легко, свободно
С твоей душой на век соединиться,

Чем исповедал ты свое бессилье
И сам сознал ничтожество свое.
О, верь, Манфред, гордыню самомненья
Сломив, ты во сто крат могучей ныне
И несравненно выше, чем тогда
В юдоли слез, где средь толпы людской
Всегда ты одинок был, как в пустыне,
Когда в слепом безумье ты своем
Мечтал обнять все то, что необъятно,
И все непостижимое постичь.
Теперь впервые ты уразумел,
Что не во власти сила, а в смиреньи,
И гордые порывы обуздав,
Ты высшую победу одержал.
Тобой разбиты прежние препоны,
Ты мой опять, и снова я твоя!

МАНФРЕД

Благодарю, благодарю, Астарта!
Как сладко мне звучат твои слова!
При звуке их последние сомненья
В душе моей мгновенно умолкают,
Как при бряцаньи арфы Псалмопевца
Недуг царя Саула утихал.
Теперь, твоим покровом осененный,
Воскресну я к иному бытию;
Мы будем жить иною, новой жизнью.
Отныне неразлучны навсегда,
Блаженны будем мы вдали от мира,
Вдали от всякой суеты земной;
И род людской, на веки позабытый,
Ужь не коснется пошлостью своей,
Завистливостью, ложью и злословьем
Бесплотного союза наших душ.

АСТАРТА

В твоей душе закоренела злоба;
О, не кляни, Манфред, не порицай!

Иной отныне путь нам предстоит:
Слиясь со мной в едином восхожденьи,
Любить ты должен не меня одну,
Но всеобъемлющей обнять любовью
Все, что живет, как ты когда-то жил.
Презрения не знают небеса,
И не раскроется их свод лазурный
Пред горделивой злобою твоей.
Божественного милосердья двери
Ты отопрешь лишь милости ключем.
Зачем, Манфред, хулишь и презираешь
Ты этот бедный, жалкий род людской?
Ужель сочувствие к его сынам
В твоей душе ни разу не проснулось?
Ужель ты видел в них одно лишь злое,
А доброе надменно презирал?
Страдая так давно и так жестоко,
Ужель ни разу ты не пожалел
О тех, что так обильно орошают
Свое убожество и нищету
Горючими, кровавыми слезами?
Ужели во всеведенье своем
Ты не подслушал вздохов и стенаний,
Что вырываются из глуби сто́льких
Измученных, истерзанных сердец?
Нет, не хулы достоин этот род,
Но состраданья, жалости ,прощенья!
Иль у тебя была перед глазами
Одна лишь личная твоя печаль,
А все чужие горести и скорби
Не трогали тебя, не уязвляли
Безжалостного сердца твоего?
Но знай, Манфред, одной любовью лишь
Ты неба всепрощение заслужишь.
Сперва прости, за все и всем прости,
Забудь свои ничтожные заслуги,
Сознай, сознай, что прежде всех ты сам
И ты один виновен перед всеми,
Что вся премудрость и вся власть твоя

И знанье все не стоят и одной
Слезы сознанья собственной вины.
И распахнутся пред тобой врата
Небесные, и восхищен ты будешь
Туда, где нет ни плача, ни стенаний,
Где вечное блаженство ждет тебя.

МАНФРЕД

Остановись, о замолчи, Астарта!
Не в силах доле слушать я тебя,
Или не вынесу я, не вмещу
Всего того, чем ты меня чаруешь,
Всей новизны неведомых речей,
Всей полноты твоих обетований!
Моя душа восторженно трепещет,
Как арфы сладкозвучная струна,
Когда ее воздушными перстами
Коснется шестикрылый серафим.
Я побежден, смирился я! Впервые
Я праздную победу над собой.
Веди меня! Я твой, моя Астарта,
Я за тобою следую отныне!
Душа освобожденная моя
Стремится в бесконечные пределы.
Прости, земля! На веки покидает
Тебя перерожденный твой Манфред.

СЦЕНА III.

НЕБЕСА

ТУЧИ

Мы грозные тучи, мы детища бурь,
Мы мчимся крылатой толпою,
Грозой разразимся и неба лазурь
Покроем зловещею мглою.

Мы грозные тучи, губительных стрел
Небесного грома колчаны!
Без воли, без цели нестись наш удел,
Нас гонят, нас мчат ураганы.

Нам радости чужды, чужда нам печаль,
Не знаем мы страсти кипучей,
Мы вечно летим в беспредельную даль,
Мы тучи, мы грозные тучи!

МОЛНИЯ

Я миру загадка!
Блеснув на мгновенье,
Внезапно и кратко
Мое появленье.
Я молния! Тучи
Меня породили
И властью могучей

Меня наделили.
В грозу раздирая
Среди непогоды
От края до края
Небесные своды,
Я сгину мгновенно
Во мраке ночном.
Я пламень чудесный,
Я тайна вселенной,
Я светоч небесный,
Зажженный Творцом!

ГРОМ

Грозный божественный глас Провиденья
В непостижимом созвучье своем,
Гнева небесного я выраженье
Всесожигающий гром.

Я, облетая небесные своды,
Все звуки мира в себе сочетал:
Моря ли хлещут свирепые воды
В ребра незыблемых скал,

Гул ли доносится землетрясенья,
Лес ли стоглавой вершиной шумит,
Иль огнедышащих гор изверженье
Стонет, клокочет, гудит, —

Всех голосов на земле и созвучий
Я отголосок и отзвук глухой.
Я обличитель бесстрастный, могучий
Господа бич роковой!

(Манфред и Астарта возносятся в вышину.)

МАНФРЕД

В смятении все грозные стихии,
Несутся тучи мрачною толпой,

Раскаты грома небо потрясают,
И молнии на встречу блещут нам...

АСТАРТА

В последний раз, Манфред, грозу мы видим;
Еще мгновение, и небеса
Безоблачным сиянием своим
На веки нас с тобою облекут.
Отныне беспрепятственно любить
Друг друга можем мы и озираться
На бренную покинутую землю,
На дольный прах, на это пепелище
Былых стремлений наших и забот.
Взаимная любовь не помешает
Нам вспоминать с любовию о тех,
Кто на земле такими ж, как и мы,
Скитальцами любили и страдали.
И как во сне переживать мы будем
Все то, что было и давно прошло...
О, мой Манфред, отныне мы свободны!
Разбитые земли упали узы,
Ужь нет страданья, миновала скорбь,
Последние исчезнут вскоре тучи,
И молнии померкнут вдалеке,
Последние замрут раскаты грома,
В последний раз грозу с тобой мы видим!

МАНФРЕД

Астарта, мне не выразить словами,
Как глубоко тебе я благодарен!
Я так блажен, так счастлив близ тебя!
Душа моя тиха и безмятежна;
В надежде новой, с новым восхищеньем
Бесплотный взор я устремляю вдаль,
И не страшны зловещие мне тучи,
Они раздвинутся, они исчезнут,
Как прежние сомнения мои
Рассеялись... Но погляди, Астарта,

Как эти тучи в грозную громаду
Столпились вдруг и словно угрожают
В своем нас поглотить с тобою мраке;
А молнии бесчисленные их,
Мигая огненными бороздами,
Из края в край воспламеняют небо ,
И яростного грома рокотанье
Разносится на тысячу ладов.
Я узнаю знакомое явленье
И ощущаю близость мрачных сил:
То духи мщения, то духи злобы,
То царь всего, что́ в мире злого есть, —
Властитель тьмы, то грозный Ариман.

(Среди туч, разражающихся страшными раскататами грома, испуская ослепительные молнии, появляется Ариман, окруженный всеми подвластными ему духами).

ПЕРВАЯ СУДЬБА

Ты наш, Манфред, ты наш! Прошло то время,
Когда ты властвовать над нами мог.
Ужь сладостный пробил отмщенья час, —
С тобою мы расплатимся теперь.
Мы, духи мрака, восторжествовали
Над силою твоей и от тебя,
Как должной дани, поклоненья ждем.

ВТОРАЯ СУДЬБА

Познанья все твои, твою премудрость
Смерть уничтожила в одно мгновенье.
Теперь перед владыкой Ариманом
Ты должен пасть, развенчанный мудрец!

ТРЕТЬЯ СУДЬБА

Пока носил ты образ человека,
Могла бессмертная душа твоя

Достичь той высоты, того величья,
Которыми ты нам повелевал,
И до которых смертным далеко;
Но ныне обессиленный, бесплотный
Ты стал таким же духом, как и мы,
И в наши мы права теперь вступаем, —
Ты наш, Манфред! Склонись же перед нами!

АСТАРТА

Нет, он не ваш! Он мой, он мой на веки!
Не уступлю я друга моего!
О, не страшись, Манфред! Они бессильны
Ничто отныне нас не разлучит.
Мне ль уступить возлюбленную душу,
Когда я от погибели спасла
Тебя? Во мне ли не достанет силы
Тебя от адской злобы защитить?

МАНФРЕД

Астарта милая, о, дорогая!
Я не страшуся. Никогда душа
Моя не знала робости, и ныне
Угрозам их меня не испугать.
Пусть говорят они, — мы будем слушать,
Пусть выскажутся духи до конца, —
Тогда отвечу я, и ты увидишь,
Как будет безуспешна и напрасна
Последняя попытка адской злобы
Меня с тобою разлучить.

НЕМЕЗИДА

Манфред!
Ты помнишь ли, когда пред Ариманом
В его чертогах нерушимых тень
Астарты вызвать ты мне повелел?
Беспрекословно я повиновалась;
Но вот, настала очередь моя,

И я теперь тебе повелеваю!
Ты отрицал то высшее Начало,
Ту Силу, пред которой мы трепещем,
И эта Сила от тебя сама
Теперь отступится и отречется.
Так где жь твое могущество? Во имя
Чего жь ты возмечтал бороться с нами?
Каким оружием? И на кого
Ты опереться думаешь теперь?
Ты власти никакой не признавал,
Хотя и над тобою тяготел
Единый, вечный мировой закон;
И ныне слабый, бестелесный дух,
Беспомощный, бессильный, беззащитный,
Ты власть мою признаешь над собой.

ДУХИ

Она победила, она победила!
Твоя непреклонность — мечта и обман.
Да здравствует грозная, мрачная сила!
Всесильно господство твое, Ариман!

АСТАРТА

Умолкните, отверженные духи!
О, нет, он вашим не был никогда
И никогда не будет! Ваша злоба
Его не вырвет из моих объятий.
Здесь тайны есть великие, святые,
Которых вам не разгадать во век.
Он мой! Я вам его не уступлю.

МАНФРЕД

Астарта, не смущайся их словами,
Дай им договорить! Еще не всё
Лукавая их высказала злоба.
Пусть держит речь сам грозный Ариман,

Духов паденья мрачный повелитель
И адской тьмы всесильный властелин.

АРИМАН

Я долго ждал. Безмолствовал я долго,
Но истощилось наконец мое
Долготерпенье. Моего молчанья
Исполнилася мера. Преклонись
Перед моим величием, Манфред!
Отныне я — твой бог и судия!
Передо мною все падет во прах;
Я жажду крови, , жажду отомщенья:
Неправдою, войною, притесненьем,
Страданьем и слезами ежечасно
Вселенная со всех своих концов
Угодные приносит жертвы мне;
Тобою их дополнится число, —
Пади же ниц перед моим престолом,
Признай, Манфред, влыдычество мое!

МАНФРЕД

Ты все ль сказал?.. Теперь и я, Манфред,
Тебя ответом удостою. Духи,
Внимайте мне! Внимай же Ариман!
Так. Прожита земная жизнь; я — боле
Не человек. Я вам подобный дух.
Но можете ли вы уразуметь,
Какое нас пространство разделяет?
Пока душа моя еще томилась,
Заключена в телесной оболочке,
Мой разум был гордыней ослеплен.
Но вот, упали тленные оковы,
Глубокая рассеялася тьма,
Мне вечность целая глянула в очи,
И в миг духовные прозрели взоры.
Иную силу я уразумел:
Святую силу безграничной веры;
Она под гнетом многих заблуждений,

Как под золою тлеючая искра,
Дотоль таилася на дне души.
И лишь постиг душою обновленной
Я высшую смиренья благодать,
Та искра вспыхнула в костер великий,
И заблистали, ярко пламенея
В его лучах, надежда и любовь.
Да, я уверовал, я полюбил
И на крылах надежды вознесусь
В те светлые, блаженные селенья,
Откуда вы низвержены. Во век
Вам моего полета не настигнуть.
Сокройтесь же, о, духи отрицанья!
Я над собой иную власть признал:
Ту власть, перед которой сами вы
Трепещете, которой я частица.
Я отвергал в безумии ее,
Считая униженьем поклоненье;
Но ныне я уведал наконец,
Что нет победы выше и святей,
Как над самым собой; что только тот
Во истину велик, кто пред великим
В восторге умиленья преклонится.
Прочь, духи мрака! Я не знаю вас!
Прочь, Немезида! Где твоя победа?
Прочь, Ариман! Где торжество твое?

(Духи исчезают)

АСТАРТА

Они исчезли... Тучи разлетелись,
Угасли молнии, и вдалеке
Раскаты грома глухо замирают...
Я начинаю приходить в себя,
Душа моя опомнилась от страха.
О, ты могуч, Манфред! А я еще
Тебе хотела мужества придать,
Когда невыразимый страх терзал
Самой мне душу несказанной мукой.

Казалось мне, что разлучат они
Меня с тобой, Манфред. О, как велики
Души твоей могущество и сила!

МАНФРЕД

Что эта сила пред твоей любовью!
Теперь так ясно стало мне, Астарта,
Что даром прожил я всю жизнь свою.
Пусть я умом пытливым углублялся
В неизмеримость мудрости житейской,
Пусть знания запас обогащал
И безграничной власти домогался;
Пусть высшего достиг я совершенства
И превзошел в могуществе духовном
Всех смертных мира, бывших до меня, —
Явилась смерть, и в смертное мгновенье
Я понял всю бесплодность, бесполезность
Моих стремлений гордых и безумных.
Мне стало вдруг доступно и понятно,
Что, мудрствуя так долго и так много,
Гоняясь за неуловимой целью,
Без устали преследуя ее,
Я забывал о главном, без чего
Вся наша мудрость — призрак и мечта,
А это главное — любовь!...
Тебе,
Тебе одной, моя Астарта, я
Обязан этим откровеньем! Ты
Вручила мне единственный тот ключ
Ко всем великим тайнам бытия.
Ты мне открыла, ты мне указала,
Что не во власти сила, а в любви,
Которой гордо я пренебрегал!
И вот теперь, когда передо мною
Так бесполезно пережитых дней
Проносится печальная картина,
Мне стало так невыразимо больно
За прошлое мое! Все дарованья,
Всю крепость разума, все силы сердца,

Все лучшие сокровища души,
Так щедро мне ниспосланные свыше,
Я израсходовал безумно, праздно,
Как безрассудный, жалкий расточитель!

АСТАРТА

Манфред, не сетуй! Правда, жизнь твоя
Была лишь рядом горьких заблуждений;
Конечно, ты во многом был виновен, —
Но не кори земного ты труда,
Не думай, что познания твои,
Твоя премудрость, власть и сила воли
Остались бесплодны и напрасны.
Теперь, согреты пламенем любви,
Озарены лучом горячей веры,
Удвоены пленительной надеждой,
Те силы тайные души твоей
Тебя неудержимо за собою
В надзвездные селенья увлекут...
Теперь уведал ты, что не заслуги
Твои тебе спасенья даровали.
В твоих очах незримые таились
Раскаянья живительные слезы;
Ты сам не сознавал в себе той силы,
Что теплилась в душе твоей всегда.
Вся жизнь твоя была лишь усыпленьем;
Когда жь последний испустила вздох
Твоя измученная грудь, и сердце
Вдруг перестало биться в ней, тогда
Очнулся ты, тогда ты убедился,
В ничтожестве познания и власти
И в суете премудрости земной.
Что пред Творцом заслуги человека?
Нет, не они, Манфред, тебя спасли,
Но те молитвы чистые, святые
И бескорыстные, что непрестанно
На небо возносились за тебя:
Они одни тебя с ним примирили.
Всесильна, несравненна власть молитвы;

Мир видимый она соединяет
С незримым человеческому взору;
И мы с тобой за всех должны молиться,
Чтобы вкусить в молитвенном общенье
Духов бесплотных высшее блаженство.
Ты видишь, мы возносимся все выше,
Все радостней сияют небеса, —
Забудь же прошлое! Твое смиренье
С сознанием ничтожности твоей
Вознаградит за годы отрицанья
Святое Правосудие небес!

МАНФРЕД

Смотри: вон облако несется там
Такое светлое, как будто небо
Нам чрез него привет свой посылает;
И радостно оно, как на устах
Младенца задремавшего улыбка.
Оно редеет более и боле,
Как будто бы растаять суждено
Ему в необозримом море блеска...

(Проносится светлое облако).

ОБЛАКО

Миновала гроза... На просторе,
Далеко от мятежной земли
Я, как месяц в лазоревом море,
В голубой утопаю дали...

Без следа и без звука люблю я
Тихо плыть по степям голубым...
Я небесного жду поцелуя,
Чтоб мгновенно растаять под ним.

Я, рожденное грешной землею,
Жажду неба вкусить торжество,
Чтобы слиться с его синевою,
Чтоб изчезнуть в лазури его.

Поскорей бы пора миновала
Всех печалей, страданий и бурь,
И собою весь мир осеняла
Беспредельная неба лазурь!

Исчезает).

АСТАРТА

Оно той высшей области достигло,
Где так прозрачен, чист эфир воздушный,
Что в нем не только тучи грозовые,
Но и легчайший облаков полет
Неведом с самого начала мира,
И вот, растаяло оно в пространстве...
Взгляни: кругом небесная лазурь
Безоблачная, вечно голубая;
Куда ни кинешь взгляд, везде, везде
Одна безбе́режная синева.
И безмятежно, тысячью огней
Мерцая, в ней колеблются небесных
Светил неугасимые лампады...
Манфред, ужь близко! Цель недалека,
Земли забыты слезы и страданья,
Ужь нам не будут тучи угрожать,
Мы на пути не встретим даже легких,
Воздушных облаков, и возносясь
Все выше, в вечных небесах потонем!

МАНФРЕД

Ты слышишь ли? Издалека, как будто,
Каких-то сладкозвучных голосов
Доносится восторженное пенье.
Ах, те досель неслыханные звуки
Переполняют душу восхищеньем
И сладким трепетом. Я очарован,
Блаженствуя, прислушиваюсь к ним!
Все ближе, все слышней! Я начинаю
Слова неведомые различать, —

И просится душа моя навстречу
Певцам незримым дивной песни той!

СОНМ БЕСПЛОТНЫХ СИЛ

Избавленный пленник могилы!
Ликуя, прощая, любя,
Святые, бесплотные силы,
Мы в небе всречаем тебя!
Последние слезы печали,
Забот и невзгод, и скорбей,
Что взоры твои застилали,
На веки отрем мы с очей.
В лучах благодатных смиренья
Померкли сомненья твои,
И вспыхнул зарей обновленья
Погаснувший светоч любви.
Забудешь ты дни отрицанья
И вечность безоблачных дней
За долгие годы страданья
Получишь с подругой своей.
Любовью, надеждой и верой
Купил ты блаженство свое...
Тебе утрясенною мерой
Отсыплем мы в лоно твое.
О, брат наш возлюбленный, милый!
Ликуя, прощая, любя,
Святые бесплотные силы,
Мы в небе встречаем тебя!

ОДИН ИХ НИХ

Таланта своего ты не зарыл небрежно,
И плод сторицею тобою принесен:
Господь тебя зовет, раб добрый и прилежный,
О, прииди! С тобой возрадуется Он.
Твоей души, ума и сердца дарованья
Достигли высшего развитья своего:
Своей премудростью, могуществом познанья
Ты покорил себе земное естество.

ДРУГОЙ

Я знаю власть твою, твою я знаю силу
И вижу то в тебе, чего ты сам не мог
При жизни разгадать в своей душе унылой.
И принял наконец я твой последний вздох
В котором все слилось: и радость и мученье,
И гордые мечты, и помыслы твои,
Не разрешенное последнее сомненьё
И веры первый луч, и проблески любви.

ТРЕТИЙ

Забудь безумный бред и ропот отрицанья
И безрассудную гордыню позабудь:
Теперь навек твои окончены страданья,
И пройден навсегда тернистый жизни путь.
Бессмертья твоего своим дыханьем тленным
Коснуться не дерзнет ужь позабытый мир,
Сияньем небосвод горит неизречимым,
Чертога брачного ужь уготован пир!

ЧЕТВЕРТЫЙ

Бессмертия дух, небожитель
Безгрешный, блаженный, святой,
Манфред, я твой ангел-хранитель,
Я спутник невидимый твой!

Тебя я крылами своими
Всегда на земле осенял,
Очами тебе голубыми
С лазурного неба сиял.

Слезой твоего сокрушенья,
Твоей покаянной слезой
Омыл я твои прегрешенья,
И ты убелился душой.

Как дым благовонный кадила
Как ангельской песни хвала,
Молитва твоя воспарила
И небу угодна была.

Мои распостерты объятья,
Нет прежних препон, о, Манфред,
И шлют тебе новые братья,
О, брат, вожделенный привет!

МАНФРЕД

Свершилося!.. Вы победили, силы
Небесные! Я духом прозорливым
Давно предвидел ваше торжество...
Хранитель-ангел мой, не откажи
Меня своими осенить крылами,
А то не выдержит моя душа
В невыразимое мгновенье это
Наплыва неземного ликованья,
И в новом несказанном упоеньи
Не вынесу я радости такой!
О, вы, бесплотные, я преклоняюсь
Пред вашею великою святыней!
Но грешный недостоин я вступить
В ваш непорочный, лучезарный сонм.
Она же..., о, она и создана
Была лишь для сияния небес.
Ее лучи межь вами заблистают,
Как месяц ясный средь несметных звезд.
А я пусть издали с благоговеньем
Ее дерзаю образ лицезреть;
С меня довольно и воспоминанья,
Что было мне дано ее любить,
Что на меня презренного ее
Святой любви когда-то выбор пал.
Теперь, в миг несказанного блаженства
К тебе, Астарта, возвожу я взор!
Твоя любовь меня переродила;
Тебя, одну, тебя, о, дорогая,

Благодарю за это восхищенье,
Души неизглаголанный восторг!

АСТАРТА

Нет, в небесах не ведают разлуки,
Но каждый новый миг исполнен счастья
Свиданья с милыми. О, мой Манфред!
Я так блаженствую, что никакие
Слова неизреченные небес
Не могут выразить всего того,
Чем переполнена душа моя! ..

МАНФРЕД

Окончен путь мой. Цели я достиг
И над собою признаю ту власть,
Которая руководила мною,
Которою мой дух был так могуч.
Она во мне познанья породила
И разума премудростью была.
Она — та воля, грозная та сила,
Что высоко, сверх всякого мерила
Меня над всем живущим вознесла.
Она была лишь искрою одною
Священного небесного огня,
Что пламенно овладевала мною
И ныне восхищеньем жжет меня.
Я над самим собой победу торжествуя,
Блажен Твоим превечным торжеством,
Тебя, о, мой Творец, люблю я
И веруя, надеясь и ликуя,
С Твоим сливаюсь Божеством!

ГОЛОС

Угодно Мне твое великое смиренье,
Угоден покаянный подвиг твой!
Я за него тебе дарую всепрощенье,
Блаженство, вечность и покой.

Полна любви Моя небесная обитель,
Дверь милосердия отверзлася тебе, —
О, прииди ко мне! Твой Бог, твой Искупитель
Тебя, Манфред, зовет к Себе!

Петербург.
15-го февраля 1885 г.

СЕВАСТИАН - МУЧЕНИК

СТРОФЫ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тебе, тебе, мой ангел нежный,
Я посвящаю этот труд;
О, пусть любовно и прилежно
Твои глаза его прочтут.

Ты мне внушила эти строки,
Они тобой вдохновлены:
Пускай же будут в край далекий
Они к тебе унесены.

И если грудь заноет больно
Тоской по нашей стороне,
Пускай тогда они невольно
Тебе напомнят обо мне.

И пусть хоть тем тебе поможет
Тот, кто всегда и всюду твой,
Кто позабыть тебя не может,
И чья душа полна тобой.

СЕВАСТИАН-МУЧЕНИК

Претерпевый же до конца, той спасется
(Матф. XXIV, 13)

I.

В Риме праздник. Рыщут колесницы
Топот, стук колес по мостовой,
Ржанье, свист бича и крик возницы
В гул слилися. К форуму толпой
Повалил народ. Снуют носилки,
Пыль клубится облаком густым;
Фыркает, храпит и рвется пылкий
Конь под всадником лихим.

II.

В честь богини зеленью, цветами
Убран был Венеры пышный храм;
От курильниц синими клубами
Возносился легкий фимиам.
В наготе божественного тела,
Фидия рукою создана,
В благовонном сумраке белела
Олимпийская жена.

III.

Совершая жертвоприношенье,
Цезарь сам стоял пред алтарем,
И жрецы в немом благоговенье
С утварью теснилися кругом.
Все во прах повергнулись толпою,
Преклонился сам Максимиан, —
Не поник отважной головою
Лишь один Севастиан.

IV.

Засверкали цезаревы очи
И зловещим вспыхнули огнем,
Вне себя он стал мрачнее ночи
Искаженным яростью лицом:
«Ты ль не хочешь чтить моей святыни,
«Возмущая наше торжество!
«Ты ль, трибун мой, дерзкою гордыней
«Оскорбляешь божество!

V.

И бесстрашно, твердо и спокойно
Отвечал ему Севастиан:
«Человеку, цезарь, недостойно
«Почитать бездушный истукан.
«Правды нет в твоей безумной вере,
«Ваши боги — лживая мечта.
«Не могу я кланяться Венере,
«Исповедуя Христа!

VI.

«Он — мой Бог! Его святою кровью
«Грешный мир искуплен и спасен;
«Лишь ему с надеждой и любовью
«Я молюсь коленопреклонен.
«Небеса Он создал, создал землю,
«Создал все, что дышет и живет.
«Лишь Его велениям я внемлю,
«Он мне помощь и оплот!»

VII.

Неподвижно, в трепетном молчанье,
Царедворцы робкою толпой
Роковое слушали признанье,
Изумляясь дерзости такой.
Обезумел цезарь, злобы полный,
Ярый гнев его сковал,
И смятенным ликторам безмолвно
Он трибуна указал.

VIII.

Вмиг вокруг него живой стеною
Их сомкнулись тесные ряды;
Повлекли они его с собою
В гору, в Палатинские сады.
Нумидийской цезаревой страже
Сдали там с рук на́ руки его...
И покорно стал от злобы вражьей
Он конца ждать своего.

IX.

Гаснет алый запад, догорая
В небесах багряною зарей;
Быстро тень надвинулась густая,
И звезда зажглася за звездой.
Ужь померкло небо голубое,
Тихо все... Уснул великий Рим;
И в немом, задумчивом покое
Ночь спустилася над ним.

X.

Ужь во власти тихого Морфея,
Под его чарующим крылом
Все, в дремоте сладкой цепенея,
Позабылось безмятежным сном.
Лишь к стволу привязан кипариса,
Молодой трибун-христианин,
Там, в саду цветущем Адониса,
В эту ночь не спит один.

XI.

А кругом на храмы, на чертоги
Налегла таинственная тьма;
Сторожат изва́янные боги
Рощи Палатинского холма;
Сладко в них цветы благоухают,
Водометы плещут и журчат
И росою свежей орошают
Мрамор царственных палат.

XII.

Полночь дышет влажною прохладой...
У стены на каменном полу
Стража крепко спит под колоннадой.
Догорев, костер дымит в углу;
Пламя, вспыхнув, озарит порою
То карниз, то вазу, то плиту,
И кружася, искры над золою
С треском гаснут на лету.

XIII.

И задумчив узник одинокий,
Кротких глаз не сводит он с костра:
Скоро мрак рассеется глубокий,
Минет ночь, — не долго до утра.
Заблестит восток воспламененный,
Брызнут солнца первые лучи
И разбудят этот город сонный,
И проснутся палачи.

XIV.

На него они наложат руки,
Истерзают молодую грудь,
И настанет час предсмертной муки,
И окончен будет жизни путь.
Словно искра, в мраке исчезая,
Там, над этим тлеющим костром,
Жизнь его, как утро, молодая
В миг один угаснет в нем.

XV.

Но ни жизни, полной юной силы,
Ни даров земных ему не жаль,
Не страшит его порог могилы;
Отчего жь гнетет его печаль?
Отчего заныла грудь тоскою?
Отчего смутилось сердце в нем?
Иль ослаб он бодрою душою
Пред мучительным концом?

XVI.

Не его ли пламенным желаньем
Было встретить доблестный конец,
Радость вечную купить страданьем
И стяжать мучения венец?
Не мечтал ли дни он молодые
Положить к подножию Креста
И, как те избранники святые,
Пасть за Господа Христа?

XVII.

Но они не ведали печали;
Не в тиши безмолвной и глухой, —
Посреди арены умирали
Пред ликующей они толпой.
Нет, в душе их не было кручины,
Погибать отрадней было им:
В Колизее славной их кончины
Был свидетель целый Рим.

XVIII.

Может быть, звучали в утешенье
Им слова напутствия друзей,
Их молитвы, их благословенья;
Может быть, межь сотнями очей
Взор они знакомый различали
Иль привет шептавшие уста;
Мужества, дивясь, им придавали
Сами недруги Христа.

XIX.

А ему досталась доля злая
Позабытым здесь, в глуши немой,
Одиноко, в муках замирая,
Изнывать предсмертною тоской.
Никого в последнее мгновенье
Не увидит он, кто сердцу мил,
Кто б его из мира слез и тленья
Взором в вечность проводил.

XX.

А межь тем над спящею столицей,
Совершая путь обычный свой,
Безмятежно месяц бледнолицый
Ужь плывет по выси голубой.
Просияла полночь; мрак редеет,
Всюду розлит серебристый свет,
И земля волшебным блеском рдеет
Небу чистому в ответ.

XXI.

Там белеет храм Капитолийский,
Древний форум стелется под ним;
Здесь колонны, арки, обелиски
Облиты сияньем голубым;
Колизей возносится безмолвный,
А вдали, извилистой каймой
Тибра мутные струятся волны
За Тарпейскою скалой.

XXII.

И любуясь дивною картиной,
Позабылся узник молодой;
Ужь теперь не горем, не кручиной, —
Сердце полно сладкой тишиной, —
Приутихло жгучее страданье,
И в душе сомненье улеглось:
Этой ночи кроткое сиянье
Словно в грудь ему влилось.

XXIII.

Примиренный с темною судьбою,
Вспоминает он былые дни:
Беззаботной, ясной чередою
Пронеслись на севере они.
Видит он зеленые равнины,
Где блестят сквозь утренний туман
Альп далеких снежные вершины, —
Видит свой Медиолан,

XXIV.

Видит дом родной с тенистым садом,
Рощи, гладь прозрачную озер
И себя, ребенком малым, рядом
С матерью; ее он видит взор,
На него так нежно устремленный...
Как у ней был счастлив он тогда,
Этим милым взором осененный,
В те беспечные года!

XXV.

От нее услышал он впервые
Про Того, Кто в мир тоски и слез
Нам любви учения святые
И грехов прощение принес;
Кто под знойным небом Галилеи
Претерпел и скорбь, и нищету,
И Кого Пилат и фарисеи
Пригвоздили ко кресту.

XXVI.

Но года промчалися стрелою..
— Детства дней счастливых не вернуть! —
Он расстался с домом и семьею,
Перед ним иной открылся путь:
Он, покорный долгу, в легионы
Под знамена бранные вступил
И свой меч, отвагой закаленный,
Вражьей кровью обагрил.

XXVII.

Но и в грозный час кровавой битвы,
Поминая матери завет,
Благодатной силою молитвы
Соблюдал он в сердце мир и свет.
Бодрый дух его не устрашали
Зной и стужа, раны и нужда;
Он сносил без жалоб, без печали
Тягость ратного труда.

XXIX.

И властям всегда во всем послушный,
Он жалел подвластных и щадил;
С ними он, доступный ,благодушный,
И печаль, и радости делил.
Кто был горем лютым иль несчастьем,
Или злой невзгодой удручен,
Шел к нему, и всякого с участьем
Принимал Центурион.

XXX.

И за то с любовью беспримерной
Подчинялись воины ему,
Зная, что своей дружины верной
Он не даст в обиду никому,
И везде, из всех центурий стана,
И в бою, и в пору мирных дней
Отличалась сотня Севастьяна
Ратной доблестью своей.

XXXI.

И привязан был он к этой сотне
Всеми силами души своей;
В ней последним ратником охотней
Бы бы он, чем первым из вождей
Всех когорт и легионов Рима.
Не желал он участи иной,
Не была душа его палима
Властолюбия мечтой.

XXXII.

В бранном стане, в Галлии далекой
Скромный дорог был ему удел,
И его на блеск и сан высокий
Променять бы он не захотел.
Почесть с властью или роскошь с силой
Или все сокровища земли
Никогда ему той сотни милой
Заменить бы не могли.

XXXIII.

Что людьми зовется верхом счастья,
То считал тяжелым игом он.
Но увы, непрошенною властью
Слишком рано был он облечен!
О, какою горькою кручиной
Сердце в нем исполнилось, когда
С этой храброй, доблестной дружиной
Он расстался навсегда.

XXXIV.

Никогда доселе сердцем юным
Ни тщеславен не был он, ни горд;
У преторианцев став трибуном,
Во главе блестящих их когорт,
Он остался воином смиренным,
Ни наград не ждавшим, ни похвал,
И горя́ усердьем неизменным
Честно долг свой исполнял.

XXXV.

Но душе его прямой и нежной
Чужд был этот гордый, пышный Рим,
Этот Рим порочный и мятежный,
С ханжеством, с безверием своим
Утопавший в неге сладострастной,
Пресыщенный праздной суетой,
Этот душный Рим с подобострастной
Развращенною толпой.

XXXVII.

Здесь, в тревожной суетной столице,
Окружен неправдою и злом,
Как в глухой, удушливой темнице,
Изнывал он сердцем и умом.
Полн отваги, мужества и рвенья,
До конца готовый претерпеть,
Жаждал он скорей принять мученья
И за веру умереть.

XXXVII.

И пришла пора освобожденья:
Только ночь прожить еще одну,
И настанет час успокоенья.
С упованьем глядя в вышину,
Он привет читает в блеске ночи:
Звезд лучи, пронизывая тьму,
С голубых небес, как Божьи очи,
Светят радостью ему.

XXXVIII.

Небо залито лазурью нежной,
Закатился месяц в облака;
Медленно, неслышно, безмятежно
Уплывает ночь. Вот, ветерка
Предрассветная прохлада веет,
Край небес, светлея и горя,
Заалел с востока... Тьма редеет, —
И зарделася заря.

XXXIX.

Узник видит утра пробужденье,
Светом солнца обдало его,
И за день последнего мученья
Он прославил Бога своего.
Пробудились стражи. Обступили
Севастьяна шумною толпой,
Молодое тело обнажили;
Высоко над головой

XL.

Подняли беспомощные руки,
Притянули к дереву плотней...
Лютые принять готовый муки,
В ожиданьи участи своей,
Он стоял живой пред ними целью
В алом блеске утренних лучей,
Не внимая дикому веселью
Нумидийских палачей.

XLI.

В этот час предсмертного томленья
Все земное мученик забыл;
Полн восторга, в сладком упоеньи,
В небесах мечтою он парил.
Перед ним отверзлись двери рая;
Озарен сияньем неземным,
Звал его венец ему сплетая,
Лучезарный серафим.

XLII.

И не видел узник Нумидийца
С длинным луком, с стрелами его;
В забытье не видел, как убийца
Долго, долго целился в него,
Тетива как дрогнула тугая,
Не видал, как спущена была
И примчалась, воздух рассекая,
Смертоносная стрела.

XLIII.

Лишь когда отточенное жало
Глубоко в нагую грудь впилось,
В ней от боли сердце задрожало,
И очнулся он от светлых грез.
Шумный говор, крики, взрывы смеха
Услыхал он, мукою томим:
Зверская, кровавая потеха
По душе пришлася им.

XLIV.

Чередуясь, каждый в нетерпенье
В грудь стрелу спешил ему послать,
Чтобы силу, ловкость и уменье
Над бессильной жертвой показать.
И стрела вонзалась за стрелою...
Он терпел с молитвой на устах;
Кровь из жгучих ран лилась струею,
И мутилося в глазах.

XLV.

Ужь сознанье гасло и бледнело,
И молитв мешалися слова;
На руках без чувств повисло тело,
И на грудь склонилась голова;
Подкосились слабые колени...
В область тьмы, забвения и сна
Погрузился дух... Земных мучений
Чашу он испил до дна.

XLVI.

А честное мученика тело,
Брошено руками палачей,
Скоро б незарытое истлело
Под огнем полуденных лучей,
Где-нибудь во рву, иль яме смрадной,
Где бы хищный зверь, в ночную тьму,
Оглодал его, где б коршун жадный
Очи выклевал ему.

XLVII.

Ужь его от дерева поспешно
Отвязать мучители хотят...
Той порою, плача неутешно,
Две жены прокрались тайно в сад.
Но мольбы напрасны; тщетно слезы
Изобильно льются из очей:
Им в ответ звучат одни угрозы
С бранью злобной палачей.

XLVIII.

Жены им дрожащими руками
Сыплют деньги... Шумный спор возник,
Зазвенело злато... Меж стрелками
Завязалась драка; слышен крик...
А они страдальца тихо взяли,
Дорогой обвили пеленой
И глубокой полные печали,
Унесли его с собой...

I.

Рим ликует. Зрителей без счета
Ужь с утра стеклося в Колизей:
Христианам вновь грозит охота, —
Под ареной слышен вой зверей.
И до зрелищ жадный, в нетерпеньи,
Ожидает цезаря народ ..
Вдруг раздались клики в отдаленьи:
«Тише, Тише! Он идет!»

II.

Распахнулась дверь. Цветов кошницы
Высоко держа над головой,
Дев прекрасных сходят вереницы
Межь колонн по лестнице крутой.
Из дворца идут они, как тени,
Устлан путь узорчатым ковром;
Их цветы на гладкие ступени
Пестрым сыплются дождем.

III.

Движется дружина за дружиной:
Здесь и Дак Косматый, и Сармат,
Здесь и Скиф под шкурою звериной.
Блещут медь, железо и булат,
Рог и трубы воздух оглашают,
И проходят пращники, стрелки;
Серебром и золотом сияют
Стражи цезарской полки.

IV.

Свищут флейты, и гремят цевницы,
Скачет шут, и вертится плясун.
Вот певцов проходят вереницы
И под звуки сладкогласных струн
Воспевают в песне величавой
Вечный Рим с владыками его,
Их полки, увенчанные славой,
И знамен их торжество.

V.

Звонких лир бряцанье заглушает
Грохот бубнов и кимвалов звон.
Горделиво цезарь выступает,
Облеченный в пурпур и виссон
Скиптр его из драгоценной кости
И орлом украшен золотым;
Дорогой венец на длинной трости
Черный раб несет над ним.

VI.

Вдруг кимвалы стихли, смолкли бубны,
И застыл кифар и гуслей звук
В отдаленьи замер голос трубный,
Все кругом недвижно стало вдруг.
Цепенея в ужасе безмерном,
Цезарь глаз не сводит со стены,
И к стене той в страхе суеверном
Взоры всех устремлены.

VII.

Там в окне, над мраморною аркой,
Между двух порфировых колонн,
Полосою света залит яркой,
Полунаг, изранен, изможден,
Словно призрак иль жилец загробный,
Отстрадавший юноша предстал.
Красотой небесной, бесподобной
Ясный взор его сиял.

VIII.

Волоса на плечи упадали
Золотистой, шелковой волной,
Кроткий лик, исполненый печали,
Выражал величье и покой;
Бледны были впалые ланиты,
И прошла морщина вдоль чела:
Злая мука пытки пережитой
Как печать на нем легла.

IX.

Посреди молчанья гробового
Он, вздохнув, отверз уста свои;
Полилось восторженное слово,
Как потока вешние струи:
«Цезарь! О, возьми меня с собою!
«В Колизее ждет тебя народ...
«Христиан замученных тобою
«Кровь на небо вопиет.

X.

«Ужь песок арены зверь взрывает...
«Медлишь ты, бледнеешь и дрожишь!
«Иль тебя то зрелище пугает?
«Что жь смущен ты, цезарь, и молчишь?
«Содрогнешься ль ты перед страданьем?
«Иль твой дух еще не приучен
«К детским крикам, к воплям и стенаньям
«Старцев, юношей и жен?

XI.

«Мало ль их, смерть лютую приявших!
«Мало ль их, истерзанных тобой!
«Одного из тех перестрадавших
«Ныне видишь ты перед собой.
«Эта грудь — одна сплощная рана,
«Вот моя кровавая броня!
«Узнаешь ли ты Севастиана?
«Узнаешь ли ты меня?

XII.

«Но сильней любовь и милосердье
«Жала стрел убийственных твоих:
«Я уход, заботу и усердье
«Близ твоих чертогов золотых,
«Под одною кровлею с тобою
«Находил у праведных людей;
«Я их доброй, ласковой семьею
«От руки спасен твоей.

XIII.

«О, как тяжко было пробужденье
«После казни той, когда я ждал,
«Что очнуся в небе чрез мгновенье,
«Осушив страдания фиал.
«Но не мог расстаться я с землею,
«Исцелела немощная плоть,
«И ожившим, цезарь, пред тобою
«Мне предстать судил Господь.

XIV.

«Страха чужд, тебе отдавшись в руки,
«Я пришел принять двойной венец.
«Претерпеть опять готов я муки
«И отважно встретить свой конец.
«Цезарь, там, я слышу... гибнут братья,
«С ними смертью пасть хочу одной!
«К ним иду я кинуться в объятья, —
«Цезарь! Я иду с тобой!»

XV.

Недвижимо, притаив дыханье,
Как волшебным скованные сном,
Тем словам, в томительном молчанье,
Все внимали трепетно кругом.
Он умолк, и как от грез очнулся
Цезарь, а за ним и весь народ;
Гордый дух в нем встрепенулся
И над страхом верх берет.

XVI.

«Надо мной ты смеешь издеваться,
«Иль мнишь, что кары ты избег!
«Червь со львом дерзает ли тягаться,
«Или с Зевсом смертный человек?
«Испытай же гордой головою,
«Что мой гнев громов небес грозней,
«И что казнь, придуманная мною,
«Когтя львиного страшней!

XII.

«Пусть истрачены те стрелы даром.
«Но палач мой справится с тобой:
«Под тяжелым палицы ударом
«Разможжится жалкий череп твой.
«И погибнешь — миру в назиданье —
« Ты за то, что вел безумный спор
«С тем, кто власть свою могучей дланью
«Над вселенною простер!»

XVIII.

Он шагнул вперед; и всколыхалась
Словно море пестрая толпа.
В колоннадах снова песнь раздалась,
Свищут флейты, и гудит труба,
Плясуны вновь пляшут по ступеням,
Вновь грохочут бубны и кимвал,
И вдоль лестниц с кликами и пеньем
Лязг оружья зазвучал.

XIX.

Но в последний раз борца Христова
С вышины послышались слова, —
И мгновенно все умолкло снова,
Как объято силой вошебства.
Над немой, смятенною толпою
Словно с неба слово то гремит
И ее, как Божьею грозою
Разражаяся, громит:

XX.

«Ты ужели страхом новой казни
«Возмечтал слугу Христа смутить?
«Воин твой, о, цезарь, чужд боязни,
«Казнь одну успел я пережить, —
«Верь! Приму вторую также смело,
«Умирая с радостью святой:
«Погубить ты властен это тело,
«Но не дух бессмертный мой.

XXI.

«О, Господь, простивший Иудеям,
«На кресте их злобою распят,
«Отпусти, прости моим злодеям:
«И они не знают, что творят.
«Пусть Христовой веры семенами
«В глубине поляжем мы земли,
«Чтоб побеги веры той с годами
«Мощным деревом взросли.

XXII.

«Верю я! Ужь время недалеко:
«Зла и лжи с земли сбегает тень,
«Небеса зарделися с востока, --
«Близок, близок правды яркий день!
«Уж вдали стекаются дружины,
«Юный вождь свою сбирает рать,
«И ничем полет его орлиный
«Вы не можете сдержать.

XXIII.

«Константин — тот вождь непобедимый!
«Он восстанет Божиим послом,
«Он восстанет, Промыслом хранимый,
«Укрепленный Господом Христом.
«Вижу я: в руке его державной
«Стяг, крестом увенчанный, горит,
«И богов он ваших в битве славной
«Этим стягом победит.

XXIV.

«Тьму неправды властно расторгая,
«Словно солнце пламенной зарей,
«Засияют истина святая
«И любовь над грешною землей.
«И тогда, в день радости и мира,
«Осенятся знаменем креста
«И воспрянут все народы мира,
«Славя Господа Христа!»

Павловск.
22-го августа 1887 г.

ПЕРЕВОДЫ

ИЗ ФР. РЮККЕРТА

О нет, за красоту ты не люби меня
И не люби меня за то, что я живу богато:
За красоту люби сиянье дня,
А за богатство — серебро и злато.

И не люби меня за молодость мою:
Люби весну, — она все таже бесконечно.
Меня люби за то, что я люблю,
И что любить тебя я буду вечно!

Флоренция
25 октября 1882 г.

ИЗ СЮЛЛИ-ПРЮДОММА

О, еслиб знали вы, как больно
Жить без подруги одному,
То к дому подошли б невольно
Вы моему.

И знали б вы, что взором сладко
Вам утешать меня дано,
Вы заглянули бы украдкой
Ко мне в окно.

Когда бы знали вы, как много
Я в жизни выстрадал своей,
Тогда вы сели б у порога
Моих дверей.

А знали б вы, что вас люблю я,
Как никому вас не любить,
Зашли бы, счастье мне даруя,
Вы, может быть.

Красное Село.
14-го июня 1888 г.

ИЗ СЮЛЛИ-ПРЮДОММА

Как много карих, голубых,
Любимых глаз зарю встречало!
В могилах спят они теперь,
А солнце всходит, как бывало.

Ночь краще дня; как много глаз
Ее пленялося красою!
На небе звезды все горят,
А те глаза оделись тьмою.

Ужель угас их взгляд. Нет, нет,
Не может быть! Они взирают
Куда-то вдаль и то, что́ мы
Зовем незримым, созерцают.

Светила меркнут, заходя,
Но все жь на небе остаются:
Так и у глаз есть свой закат,
Но смерть не может их коснуться.

Как много карих, голубых
Закрылось глаз, любимых нами!
За гробом вечная заря
Им светит дивными лучами.

Севилья.
30-го июля 1895 г.

ТРИ ПТИЦЫ

А. Л. ГЕРХЕНУ

Я горлице сказал: «Лети в тот край прекрасный,
Где плещет Ганга тихая волна,
И мне достань цветок любви всевластный.» —
«Далéко», молвила она.

Орлу сказал я: «Дай мне молнию из тучи;
Любовь, что хладно мной пренебрегла,
Пускай согреет пламень неба жгучий».
«Высóко», был ответ орла.

Я коршуну сказал: «О, выклюй образ милый,
Запечатленный в сердца глубине:
Переболеть, ни позабыть нет силы...»
«Ужь поздно», молвил коршун мне.

Павловск
26. ноября 1909 г.

ПОСВЯЩАЕТСЯ М. И. РОСТОВЦЕВУ. *)

Здесь, о Гликария, здесь, о царица, Асандра супруга,
Из родника твоего выпил воды я с вином;
Жажду свою утолив, я промолвил: и в жизни и в смерти
Всем, кому гибель грозит, ты избавленье даришь.

Павловск
28-го января 1910 г.

*)Фонтан у могилы в Нимфее. Эпиграмма.

ИЗ СТЕККЕТИ

Посвящается В. В. Пушкаревой-Котляревской

Когда спадут листы, и ты пойдешь
Искать на кладбище мой крест могильный,

В укромном ты углу его найдешь
И всход цветов вокруг него обильный.

Для русых кос твоих сорви же ты
Живые сердца мертвого цветы:

То недопетых песней расцветанье,
То недосказанной любви признанье.

Мраморный дворец.
16-го февраля 1910 г.

ИЗ МАРКИЗА ДЕ - ФУДРА *)

СОНЕТ

Посвящается Д. С. Арсеньеву.

Ты в моряки идешь; то славное влеченье
Оно пленяет всех, кто бодр и смел душой.
Мятежный океан и в мир грозит войной
И в буре отдых шлет усталому в сраженье.

Но чтоб высокое исполнить назначенье,
У Бога доблести проси на подвиг свой;
Не может обойтись без них солдатский строй, —
Вдвойне их требует — матросское служенье:

Готовься жертвовать и жизнью вместе с кровью,
Люби Отечество горячею любовью
И с гордой радостью честь флага защищай.

Бесчувствен к похвалам, к наградам равнодушен
Единой совести внушеньям будь послушен
И, мздой гнушаяся, успехи презирай.

Павловск
7-го мая 1910 г.

*) Sonnet extrait des «Echos de L'Âme (Paris 1840).

ИЗ ЕЛЕНЫ ЭНГЕЛЬГАРДТ

ЖИЗНЬ ПЕСНИ

I.

Раз над детской колыбелью
На серебряных крылах
Пролетел посланник рая
С арфой ангельской в руках

Зорко зренье у ребенка —
Блеском неба озарен
На виденье неземное
Устремляет очи он,

С гостя светлого не сводит
Их и к арфе золотой
Он протягивает ручки,
Восхищен ее игрой.

С нежной лаской ниспустился
Из лазоревой дали
Неба посланный к ребенку,
Сыну бедному земли.

Он простер, благословляя,
Крылья над его главой,
Уст его коснувшись, молвил:
«Пой, что прожито тобой».

II.

Много лет всходило солнце,
Солнце меркло много лет —
В душу детскую запавший
Дремлет ангельский завет.

Развеваются туманы
От весенней теплоты —
И в душе младенца зреют
Предрассветные мечты.

Чует он прилив нежданный
Пробуждающихся сил.
С мукой сладкой слов он ищет,
Хочет петь, что пережил

В песне юноши сказались
Грезы утра, сны ночей,
Детства радости и горе,
Грусть и счастье юных дней.

Страсти творческой услада,
Бранной сечи стон и кровь,
Солнце, грозы странствий дальних,
Жажда славы и любовь.

Все, чем сердце пламенело,
Спела песнь. Не даром он
Слышал смутно в колыбели
Шелест крыл и арфы звон.

III.

Лист опавший попирая,
Шел задумчиво седой
Престарелый песнопевец
В бурю осени сырой.

Шел он, в кровь изранив ноги,
Шел по темному пути,
Возводя с надеждой взоры,
Пел о свете впереди.

«О, безумец!» — говорили
Люди — «грезишь, хоть и сед,
Все поешь, иль не довольно
Вынес горестей и бед?!»

Кротко старец улыбнулся,
Обратясь к толпе людской —
И пленительно запели
Струны арфы золотой:

«Пусть я лучшие растратил
Силы в жизненном бою —
Но один есть дар: доныне
Душу красит он мою.

«Нет не ждите, чтоб я в сердце
Песню вольную сокрыл:
С колыбели мне ужь пели
Звоны арфы с плеском крыл

«Возвожу ли очи к свету,
Лью ли слезы я порой,
Не смолкая должно петь мне
Все, что пережито мной,

«До поры, когда умчавшись
На серебряных крылах,
Жизнь другую, песнь иную
Я узнаю в небесах!»

Осташево.
26-го июня 1910 г.

ИЗ АЛЬФРЕДА ДЕ-МЮССЕ

Не забывай! Когда заря рассвета
Чертог волшебный солнцу распахнет;
Когда сребристой ризою одета
Задумчиво по небу ночь плывет;
Когда трепещет грудь от жажды наслаждений,
И вечер сладостных навеет сновидений,
О, слушай, лес шумит, —
Тебе он говорит:
Не забывай!

Не забывай, хотя б судьба разлукой
Грозила нам с тобою навсегда;
Хотя бы блекло с безнадежной мукой
В изгнаньи сердце долгие года;
Припомни грусть любви, припомни расставанье.
Что даль и время тем, кто знал любви страданье!
К тебе, пока я жив,
Стремится мой призыв:
Не забывай!

Не забывай, когда засну глубоко
С разбитым сердцем я в земле сырой;
Когда цветок тихонько, одиноко
Над гробовой распустится плитой.
Мне не видать тебя; но верною сестрою
Бессмертная душа все будет жить с тобою.
Услышь в ночной тиши
Ты стон моей души:
Не забывай!

Павловск
30-го декабря 1910 г.

ИЗ ВИКТОРА ГЮГО

НАДЕЖДА НА БОГА

Надейся, о, дитя! Все завтра, завтра снова
И завтра и всегда. Верь в Божью благодать!
Надейся, и когда заря зардеть готова,
Благословенья мы с молитвой будем ждать.

За грех, о, ангел мой, нам суждены страданья.
Быть может за святой молитвы лишний час,
Господь, благословив и слезы покаянья
И грезы чистоты, — благословит и нас.

Мраморный дворец.
5 января 1911 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
Библейские песни	5
Венеция	15
Письма про алые цветы	25
В строю. Из полковой жизни	31
Ночи	77
Возрожденный Манфред (драматический отрывок)	91
Севастиан - Мученик (строфы)	127
Переводы	155

Imprimerie P.I.U.F. - 3 rue du Sabot - Paris (6e)

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
PG3467
.K56
1965
t.2